Довѣрительно

ОБРАЗОВАНІЕ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ
1920

ОБРАЗОВАНІЕ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

ОБЪЯСНЕНІЯ

Членовъ Политическаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ Сѣверо-Западнаго фронта

В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА,
А. В. КАРТАШЕВА и М. Н. СУВОРОВА

Сентябрь 1919 года

Гельсингфорсъ 1919 г.
Акц. Общ. Эвлундъ и Петтерссонъ.

Съ 24-го мая по 12-ое августа 1919 года мы несли обязанности членовъ Политическаго Совѣщанія при Главнокомандующемъ Сѣверо-Западнаго фронта и принимали ближайшее участіе въ направленіи и разрѣшеніи всѣхъ политическихъ вопросовъ, связанныхъ съ задачей освобожденія Петрограда отъ большевиковъ и ниспроверженія въ Россіи совѣтской власти.

И исполненіе этихъ обязанностей возлагаетъ на насъ долгъ представить объясненія, почему мы отказались войти въ составъ Правительства Сѣверо-Западной Области, образованіе коего обусловило прекращеніе дѣятельности Совѣщанія.

I.

Съ 31 іюля по 7-ое августа всѣ члены Политическаго Совѣщанія, кромѣ члена совѣщанія по должности, — начальника штаба Главнокомандующаго, были въ Ревелѣ, откуда мы, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, А. В. Карташевъ и М. Н. Суворовъ, на 3-е августа выѣзжали въ Нарву. С. Г. Ліанозовъ былъ занятъ въ Ревелѣ дѣлами ввѣренныхъ ему Отдѣловъ и въ Нарву не ѣздилъ. Равнымъ образомъ, С. Г. Ліанозовъ, въ виду неотложной дѣловой работы въ Ревелѣ, и 7-го августа не вернулся вмѣстѣ съ нами въ Гельсингфорсъ.

8 и 9 августа мы имѣли чрезвычайно тревожныя телефонныя сообщенія отъ С. Г. Ліанозова изъ Ревеля, говорившаго намъ, что въ отношеніяхъ съ эстонцами внезапно произошелъ грозящій разрывомъ рѣзкій поворотъ и требовавшаго немедленнаго нашего пріѣзда въ Ревель. Безотлагательно же нами были начаты хлопоты по полученію визъ, и 10-го августа мы выѣхали на пароходѣ въ Ревель. Передъ отъѣздомъ нами были получены свѣдѣнія, что нашего пріѣзда ожидаетъ генералъ Маршъ.

На пароходной пристани въ Ревелѣ А. В. Карташева и М. Н. Суворова встрѣтилъ англійскій офицеръ, который доложилъ, что онъ присланъ генераломъ Маршемъ и имѣетъ порученіе просить немедленно, вмѣстѣ съ нимъ, ѣхать на автомобилѣ въ англійское консульство. В. Д. Кузьмину-Караваеву встрѣчавшій насъ также на пристани полковникъ Б. П. Поляковъ объяснилъ, что приглашеніе къ нему не обращено, вѣроятно, исключительно вслѣдствіе того, что его пріѣзда не ожидали. А потому В. Д. Кузьминъ-Караваевъ тоже отправился въ консульство, гдѣ и ему было сообщено, что генералъ Маршъ проситъ его принять участіе въ созванномъ совѣщаніи.

Въ залѣ консульства, когда мы вошли, были генералъ Маршъ съ чинами англійской миссіи, а равно представители миссій американской и французской. Изъ русскихъ здѣсь же находились: полковникъ К. А. Крузенштернъ, К. А. Александровъ, М. С. Маргуліесъ, М. М. Филиппео, С. Г. Ліанозовъ и два лично намъ неизвѣстныхъ, какъ потомъ оказалось гг. Горнъ и Ивановъ. Кромѣ того въ залѣ были: корреспондентъ газеты »Times« г. Поллокъ и секретарь отдѣла внѣшнихъ сношеній штаба Сѣверо-Западной арміи ротмистръ Барщъ.

Генералъ Маршъ предложилъ всѣмъ сѣсть и обратился къ собраннымъ имъ русскимъ съ рѣчью на русскомъ языкѣ, сущность которой сводится къ слѣдующему. Положеніе сѣверо-западной арміи катастрофическое. Безъ совмѣстныхъ дѣйствій съ эстонцами продолжать операцію на Петроградъ невозможно. Эстонцы требуютъ, для совмѣстныхъ дѣйствій, предварительнаго признанія независимости Эстоніи, ибо они должны дать ясный лозунгъ своимъ войскамъ, во имя котораго солдаты будутъ проливать кровь. У русскихъ нѣтъ организованной авторитетной власти, съ которой эстонцы могутъ заключить договоръ на почвѣ признанія независимости Эстоніи. Русскіе сами ни на чемъ между собой сговориться не могутъ. Русскіе только говорятъ и спорятъ. Довольно словъ — нужно дѣло. »Я васъ пригласилъ, продолжалъ далѣе ген. Маршъ, и вижу передъ собой самыхъ выдающихся русскихъ людей, собранныхъ безъ различія партій и политическихъ воззрѣній«. Затѣмъ ген. Маршъ предложилъ намъ, русскимъ, немедленно, не выходя изъ комнаты, образовать демократическое русское правительство, которое сегодня же должно заключить договоръ съ эстонскимъ правительствомъ.

Текстъ договора онъ тутъ же огласилъ. Если, прибавилъ ген. Маршъ въ заключеніе, правительство не будетъ къ 7 часамъ образовано, то всякая помощь со стороны союзниковъ будетъ сейчасъ же прекращена. Его буквальныя слова: »Мы васъ будемъ бросать». Ген. Маршъ передалъ М. Г. Суворову текстъ предложеннаго къ заключенію съ эстонцами соглашенія и списокъ лицъ, которыхъ онъ предлагаетъ включить въ составъ правительства Сѣверо-Западной Области (прилож. №№ 1 и 2), и вмѣстѣ съ представителями англійской, французской и американской миссій удалился, заявивъ, что вернется за отвѣтомъ въ 7 часовъ. Въ это время было 6 час. 20 мин.

Объ отказѣ исполнить требованіе генерала Марша, предъявленное въ столь ультимативной формѣ и къ тому же совершенно для насъ неожиданно, само собою разумѣется, не могло быть и рѣчи. Намъ слишкомъ хорошо было извѣстно, до какой степени разстройства дошло положеніе дѣла, какъ на фронтѣ, т. е. въ войскахъ, такъ равно и въ тылу, т. е. въ занятыхъ мѣстностяхъ — главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что помощь вооруженіемъ, снаряженіемъ и обмундированіемъ, категорически обѣщанная союзниками еще въ іюнѣ, запоздала прибытіемъ болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ. И для насъ слишкомъ ясно рисовались неустранимыя послѣдствія приведенія въ исполненіе угрозы, объявленной ген. Маршемъ: гибель надежды освободить Петроградъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда только что прибыли изъ Англіи два парохода съ танками, снарядами, ружьями и пушками, съ сапогами и съ обмундированіемъ на десять тысячъ человѣкъ и когда со дня на день ожидалось прибытіе еще двухъ пароходовъ, и полный окончательный развалъ неодѣтой, необутой и неполучавшей два мѣсяца жалованья арміи.

При ткихъ условіяхъ, единогласный отвѣтъ генералу Маршу былъ готовъ даже раньше назначеннаго имъ срока. По уполномочію приглашенныхъ ген. Маршемъ лицъ, отвѣтъ былъ формулированъ ему, снова въ присутствіи представителей союзныхъ миссій, М. Н. Суворовымъ. М. Н. Суворовъ сказалъ, что приглашенныя ген. Маршемъ лица принимаютъ на себя обязательство въ кратчайшій срокъ образовать правительственную власть и, впредь до ея образованія, берутъ на свою отвѣтственность общее руководство русскимъ дѣломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ просятъ сохранить за ними право смотрѣть на пере-

данный списокъ министровъ, какъ на списокъ предположительный и въ отношеніи состава, и въ отношеніи распредѣленія портфелей, а равно право извѣстить о происшедшемъ главнокомандующаго, генерала Юденича, и до его пріѣзда не принимать окончательнаго рѣшенія о конструкціи правительственной власти и о составѣ членовъ правительства.

Ген. Маршъ согласился съ нашимъ отвѣтомъ, но сказалъ, что ему, во всякомъ случаѣ, необходимы три лица, немедленно снабженныя полномочіями для подписанія предложеннаго имъ текста соглашенія съ представителями эстонскаго правительства, которые приглашены и сейчасъ прибудутъ. Съ своей стороны, ген. Маршъ предложилъ дать эти полномочія первымъ тремъ лицамъ по переданному имъ списку: С. Г. Ліанозову, М. Н. Суворову и К. А. Крузенштерну. Отъ насъ, русскихъ, это не встрѣтило возраженій, но нами было подчеркнуто, что мы уполномачиваемъ названныхъ лицъ на данное опредѣленное дѣйствіе, т. е. на подписаніе соглашенія, не предрѣшая вопроса о нихъ, какъ министрахъ уже образованнаго правительства. Далѣе, ген. Маршъ подвергъ свое предложеніе голосованію поднятіемъ рукъ, и оно было единогласно принято.

Представители эстонскаго правительства дѣйствительно, спустя нѣсколько минутъ, прибыли, но подписаніе соглашенія не состоялось, такъ какъ они заявили, что не имѣютъ на то полномочій отъ Государственнаго Совѣта, засѣданіе коего будетъ лишь утромъ на слѣдующій день. Генералъ Маршъ отложилъ подписаніе соглашенія до 6 часовъ вечера 11 августа.

Въ теченіе вечера 10 августа, а равно днемъ 11 августа мы собирались въ составѣ лицъ, которыя были приглашены ген. Маршемъ. На этихъ собраніяхъ было принято рѣшеніе извѣстить генерала Юденича и просить, какъ главнокомандующаго, такъ и старшихъ военныхъ начальниковъ, пріѣхать въ Ревель. Далѣе былъ подвергнутъ обсужденію текстъ предложеннаго ген. Маршемъ соглашенія съ эстонскимъ правительствомъ и обсуждался вопросъ о конструкціи правительственной власти на основѣ требованія ген. Марша. Текстъ соглашенія былъ нѣсколько видоизмѣненъ, главнымъ образомъ въ смыслѣ его грамматическаго упорядоченія и устраненія возможности его толкованія, какъ обѣщанія эстонскаго правительства учредить въ Петроградѣ демократическое русское правительство. При обсужденіи вопроса о конструк-

ціи правительственной власти, обнаружилось коренное различіе мнѣній. Но большинство, впрочемъ, видимо склонялось къ системѣ конструкціи правительства »при главнокомандующемъ».

До назначеннаго ген. Маршемъ, для подписанія соглашенія, на 11-ое августа срока генералъ Юденичъ не имѣлъ возможности пріѣхать. М. Н. Суворовымъ, по его порученію, было получено по прямому проводу сообщеніе, въ которомъ ген. Юденичъ извѣщалъ, что, вслѣдствіе порчи пути, можетъ пріѣхать лишь ночью и, какъ глава русскаго дѣла въ раіонѣ Сѣверо-Западной арміи, просилъ передать генералу Маршу, что онъ требуетъ, чтобы до его пріѣзда, задержаннаго случайнымъ обстоятельствомъ, не было принимаемо никакого окончательнаго рѣшенія.

11 августа, въ назначенный часъ, мы собрались въ англійскомъ консульствѣ, кромѣ А. В. Карташева, который, въ виду принятаго имъ рѣшенія не входить въ составъ правительства, отъ прибытія къ ген. Маршу уклонился. Постепенно прибывали представители миссій.

Ген. Маршъ, не открывая засѣданія, предложилъ всѣмъ иностранцамъ перейти въ сосѣднюю комнату, куда затѣмъ пригласилъ вмѣстѣ съ собою С. Г. Ліанозова. Тамъ, въ этой комнатѣ, С. Г. Ліанозову было предложено, не читая, подписать »Заявленіе эстонскому правительству и представителямъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи и Великобританіи въ Ревелѣ», подъ тестомъ коего было напечатано: »Премьеръ-Министръ, Министръ финансовъ» и далѣе шелъ перечень шестнадцати министровъ, а внизу значилось: »Вполнѣ согласно съ вышеизложеннымъ. Генералъ, Главнокомандующій Сѣверо-Западной русской арміей». И когда С. Г. Ліанозовъ подписать »Заявленіе», не читая, отказался, ген. Маршъ сказалъ, что русскіе все только говорятъ и спорятъ, а потому онъ желалъ получить, какъ первую, подпись С. Г. Ліанозова, послѣ чего имѣлъ въ виду вызывать въ ту же комнату по одному для подписи »Заявленія» и всѣхъ другихъ приглашенныхъ имъ лицъ. На замѣчаніе, что для дѣйствительности »Заявленія», повидимому, считается необходимой и подпись генерала Юденича, котораго въ данную минуту нѣтъ въ Ревелѣ и который можетъ своей подписи не дать, — ген. Маршъ сказалъ, что на случай, если ген. Юденичъ »Заявленія» не подпишетъ, »у насъ готовъ другой главнокомандующій».

Тѣмъ не менѣе, С. Г. Ліанозовъ настоялъ на томъ, что раньше, чѣмъ подписать »Заявленіе«, онъ обязанъ не только его прочесть, но и ознакомить съ его содержаніемъ насъ, ожидавшихъ въ сосѣдней комнатѣ.

Первое же наше бѣглое ознакомленіе съ текстомъ »Заявленія« (прилож. № 3) привело къ единодушному заключенію, что текстъ имѣетъ такіе дефекты, какъ со стороны содержанія, такъ и со стороны изложенія, что даже при наличности оговорки о вынужденности его принятія онъ уважающими свои имена людьми не можетъ быть ни подписанъ, ни тѣмъ болѣе врученъ эстонскому правительству и представителямъ миссій. И съ этимъ, послѣ переговоровъ, которые опять въ нашемъ отсутствіи велъ С. Г. Ліанозовъ, ген. Маршъ согласился. Но онъ, всетаки, потребовалъ чтобы »Заявленіе« было безотлагательно подписано. Онъ сдѣлалъ лишь слѣдующую уступку: вычеркнулъ слова »и временно во Псковѣ«, т. е. исключилъ указаніе на созывъ временнаго Учредительнаго Собранія во Псковѣ, и въ заголовкѣ назвалъ заявленіе »предварительнымъ«, съ оговоркою обязанности подписавшихъ представить не позже слѣдующаго дня другой, ими выработанный, текстъ. Приэтомъ ген. Маршъ сказалъ С. Г. Ліанозову: »Это никуда не пойдетъ, будетъ у насъ въ карманѣ«.

»Предварительное« заявленіе подписали »министры«: С. Г. Ліанозовъ, М. С. Маргуліесъ, К. А. Александровъ, М. М. Филиппео, г. Ивановъ и г. Горнъ. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ мотивировалъ отказъ дать свою подпись тѣмъ, что онъ министромъ себя не считаетъ и министромъ не будетъ, о чемъ еще утромъ заявлялъ С. Г. Ліанозову. М. Н. Суворовъ — тѣмъ, что онъ, какъ военный генералъ, принимать званіе военнаго министра безъ разрѣшенія Главнокомандующаго, а тѣмъ болѣе даже безъ его вѣдома, не имѣетъ права.

Правда, названныя выше лица подписали »Заявленіе« безъ обозначенія, кому изъ нихъ какой принадлежитъ министерскій портфель. Но, во всякомъ случаѣ, въ тотъ моментъ уже были лица, которыя по требованію ген. Марша наименовали себя министрами, — слѣдовательно, фактъ образованія правительства Сѣверо-Западной Области Россіи совершился. И ген. Маршъ поспѣшилъ устранить какія бы то ни было въ этомъ отношеніи сомнѣнія. Послѣ подписанія »Заявленія« онъ вышелъ къ собравшимся и привѣтствовалъ образовавшееся правительство.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ген. Маршъ принесъ извиненіе за тѣ формы, въ которыхъ дѣйствовалъ, сославшись на то, что, какъ солдатъ, онъ привыкъ дѣйствовать рѣшительно, не заботясь о формахъ. На предложенные ему затѣмъ вопросы, ген. Маршъ сказалъ, что телеграмму ген. Юденича онъ прочелъ. »Эта телеграмма, — заявилъ онъ, — слишкомъ автократична, она пришлась намъ не по вкусу».

II.

Мы, члены Политическаго Совѣщанія, А. В. Карташевъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ и М. Н. Суворовъ, каждый въ отдѣльности, имѣли и причины индивидуальнаго характера, обусловившія нашъ отказъ войти въ составъ правительства Сѣверо-Западной Области Россіи. Этихъ причинъ мы не касаемся, а останавливаемся лишь на общихъ соображеніяхъ, имѣвшихъ въ нашихъ глазахъ основное значеніе.

Генералъ Маршъ былъ совершенно правъ въ опредѣленіи положенія сѣверо-западной арміи къ 10-му августа, какъ положенія катастрофическаго. Одинаково онъ былъ правъ въ томъ, что безъ совмѣстныхъ дѣйствій съ эстонцами продолжать операцію на Петроградъ было невозможно. Въ отношеніи упорядоченія гражданскаго тыла, насколько гражданскій тылъ разлагающе дѣйствовалъ на тылъ военный и ослаблялъ фронтъ, равнымъ образомъ, была настоятельная необходимость самыхъ рѣшительныхъ мѣръ.

Все это было слишкомъ хорошо намъ извѣстно. И мы тоже были наканунѣ принятія радикальныхъ мѣръ. Въ этомъ смыслѣ 6 августа, въ Ревелѣ, нами, при участіи С. Г. Ліанозова, было принято вполнѣ опредѣленное отвѣтственное рѣшеніе. Но раскрывать какое именно, мы, по понятнымъ основаніямъ, не имѣемъ права. Для этого еще не настало время, также точно какъ не настало время излагать подробно всѣ причины, которыми рѣшеніе было продиктовано.

Тѣмъ не менѣе, намъ не только ясно теперь, когда тяжелыя событія во многомъ подтвердили наши опасенія, но намъ было ясно и тогда, 10 и 11 августа, что та чрезвычайная мѣра, къ которой прибѣгъ генералъ Маршъ, была мѣрой ошибочной. Она была ошибочна, какъ въ отношеніи ближайшей цѣли, которую онъ преслѣдовалъ, требуя немедленнаго, въ 40 минутъ, образованія новой

русской правительственной власти въ раіонѣ Сѣверо-Западнаго фронта, такъ одинаково по способу конструкціи этой власти и по составу правительства.

Мы не сомнѣваемся и не сомнѣвались въ искренности его намѣреній, но не могли не видѣть, что онъ всталъ на тотъ ошибочный путь, который былъ ему подсказанъ невѣрной оцѣнкой создавшагося политическаго положенія, каковая оцѣнка, въ свою очередь, имѣла въ основаніи недостаточное знакомство съ обстоятельствами. сложившимися въ Сѣверо-Западной арміи и въ занятомъ ею раіонѣ. И, насколько это было для насъ очевидно, мы по совѣсти не могли взять на себя отвѣтственности за участіе въ образованной ген. Маршемъ власти, хотя и сознавали, что непосредственный результатъ, — освобожденіе Петрограда, — въ такой степени зависитъ отъ дѣйствій и воли союзниковъ, что онъ можетъ быть достигнутъ при наиболѣе даже несовершенной организаціи русской мѣстной правительственной власти и что, наоборотъ, самая совершенная ея организація безсильна что-либо сдѣлать, если не будетъ обезпечена своевременная и широкая помощь деньгами, вооруженіемъ. снаряженіемъ и продовольствіемъ.

Въ какихъ бы условіяхъ ни находились русскіе политическіе дѣятели, эмигрировавшіе изъ совѣтской Россіи и работающіе на чужбинѣ во имя спасенія родины, какъ бы они ни склонны были, по мнѣнію ген. Марша, »только спорить и говорить», но мы больно почувствовали 10 и 11 августа незаслуженный ударъ по національному самолюбію и по національному достоинству. Требовать отъ людей, чтобы они, не читая, подписывали заготовленный для ихъ подписи актъ исключительно важнаго государственнаго значенія, а затѣмъ, въ видѣ уступки, требовать, чтобы были даны подписи на документѣ, который »никуда не пойдетъ, будетъ у насъ въ карманѣ», — дальше этого въ неуваженіи и въ недовѣріи, полагаемъ, идти трудно. Такія требованія не суть только формы, которыми ген. Маршъ, »какъ солдатъ», могъ и пренебрегать. Они ярко вскрыли существо отношеній союзныхъ миссій къ созданному ими русскому правительству и опредѣляли заранѣе, чѣмъ оно будетъ и должно быть въ глазахъ генерала Марша.

Еще больнѣе ударило насъ по чувству національнаго достоинства заявленіе ген. Марша, что на случай, если ген. Юденичъ не дастъ своей подписи, то »готовъ другой главнокомандующій», а равно отказъ исполнить

законное требованіе генерала Юденича отложить всѣ окончательныя рѣшенія до его пріѣзда, т. е. менѣе, чѣмъ на сутки. Естественно вставалъ вопросъ: если такъ, то почему ген. Маршъ прямо не объявилъ генерала Юденича низложеннымъ, не поставилъ себя на его мѣсто и не назначилъ тѣхъ или другихъ русскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей своими помощниками въ дѣлѣ гражданскаго управленія? Зачѣмъ было сохранять призракъ власти русскаго Главнокомандующаго, назначеннаго Верховнымъ Правителемъ Россіи? Зачѣмъ было создавать призракъ демократическаго русскаго мѣстнаго правительства, якобы образованнаго самими русскими людьми? Тогда все было бы ясно и опредѣленно. Тогда не было бы той искусственности, которая всегда и вездѣ ведетъ къ роковымъ послѣдствіямъ.

Эстонскій вопросъ, какъ съ очевидностью вытекало изъ словъ генерала Марша, сказанныхъ имъ 10 августа, представлялся ему въ чрезвычайно простой схематической обрисовкѣ. И намъ хорошо была знакома эта обрисовка, ибо мы не разъ слышали ее отъ представителей эстонскаго правительства при нашихъ попыткахъ найти почву соглашенія для совмѣстныхъ активныхъ дѣйствій на Петроградъ. Въ дѣйствительности, однако, вопросъ представляется неизмѣримо болѣе сложнымъ. И трудность его разрѣшенія заключается отнюдь не въ томъ, что русскіе »только спорятъ и говорятъ«, что эстонцы не знаютъ, съ кѣмъ вести переговоры и вступать въ соглашеніе, — что ни въ Гельсингфорсѣ, ни въ Ревелѣ до 11 августа не было авторитетной русской правительственной власти.

Трудность его разрѣшенія коренится въ слѣдующемъ. Еще 7-го іюня мы имѣли продолжительную бесѣду въ Ревелѣ съ представителями эстонскаго правительства. И, резюмируя эту бесѣду, эстонскій премьеръ-министръ г. Штрандманъ, оговорившись, что не считаетъ себя дипломатомъ и будетъ формулировать свою точку зрѣнія съ полной откровенностью, сказалъ: »Мы оцѣниваемъ положеніе и понимаемъ, что вы, русскіе, во что бы то ни стало нуждаетесь въ нашей военной помощи. И мы не исполнили бы нашего долга передъ своей родиной, если бы не стремились всѣми мѣрами использовать исключительно для насъ благопріятную минуту, дабы формально закрѣпить за Эстоніей фактически ей принадлежащую государственную самостоятельность и независимость«. На это мы могли только отвѣтить, что

вполнѣ понимаемъ такую постановку вопроса со стороны эстонскаго правительства, но съ своей стороны, каково бы ни было наше личное отношеніе къ признанію независимости Эстоніи, исхода изъ положенія, при подобной постановкѣ вопроса, не видимъ.

А потому мы предложили представителямъ эстонскаго правительства ограничиться заключеніемъ договора военно-техническаго характера съ командиромъ сѣвернаго корпуса. Такого рода договоръ существовалъ и ранѣе. Правда, онъ заключалъ въ себѣ и заявленіе отъ лица корпуса, что корпусъ признаетъ независимость Эстоніи. Но это заявленіе имѣло лишь тотъ смыслъ, что войска корпуса, въ случаѣ достиженія успѣха въ борьбѣ съ большевиками, ни при какихъ обстоятельствахъ не повернутъ оружія противъ эстонцевъ. Центральное же мѣсто въ договорѣ имѣли согласіе командира корпуса находиться въ подчиненіи главнокомандующему эстонской арміей, пока корпусъ располагается на территоріи Эстоніи, и обязательство, со стороны эстонскаго главнаго военнаго командованія, снабжать корпусъ деньгами, продовольствіемъ и вооруженіемъ. И такъ какъ русскія войска въ маѣ вышли за предѣлы территоріи Эстоніи, то было необходимо заключить новой договоръ. Ибо, на точномъ основаніи прежняго соглашенія, полное подчиненіе главнокомандующему эстонской арміей падало, но тыловыя учрежденія продолжали оставаться на эстонской территоріи, всякаго рода снабженіе могло быть получаемо тоже только черезъ Эстонію, и обходиться безъ денежной и иного рода военной помощи со стороны Эстоніи русскія войска фактически не имѣли возможности.

Наше предложеніе было принято. И съ того момента переговоры, на предметъ заключенія военно-техническаго соглашенія, хотя шли медленно, но не прерывались. Сѣверо-Западная армія безпрепятственно пользовалась эстонскими желѣзными дорогами и, въ мѣрѣ возможности для Эстоніи, получала помощь вооруженіемъ и даже деньгами. Еще 4 августа, генералъ Лайдонеръ, при разговорѣ съ членомъ Политическаго Совѣщанія С. Г. Ліанозовымъ, завѣдывавшимъ отдѣломъ финансовъ, въ виду критическаго денежнаго положенія, выразилъ согласіе немедленно выплатить жалованье чинамъ арміи по тѣмъ нормамъ числа чиновъ и

окладовъ, которыя были опредѣлены въ прежнемъ соглашеніи.

Россія находится въ томъ состояніи революціонной гражданской войны, когда нѣтъ и не можетъ быть власти, которая, съ сознаніемъ отвѣтственности, считала бы себя правомочной рѣшать историческія судьбы родины. Даже власть адмирала Колчака, признаннаго Верховнаго Правителя Россіи, есть власть временная, — »впредь до созыва Учредительнаго Собранія». Тѣмъ болѣе условный характеръ имѣетъ власть мѣстная, областная, какъ бы она ни была организована и какое бы она ни носила наименованіе.

Россія находится въ томъ состояніи, когда не можетъ слагаться и общественное сужденіе о вопросахъ такого государственнаго значенія, какъ признаніе независимости тѣхъ или другихъ частей недавней Россійской Имперіи, — тѣмъ болѣе, если таковое признаніе связано съ отторженіемъ территоріи, никогда къ этимъ частямъ не принадлежавшей. И въ данномъ послѣднемъ отношеніи русско-эстонскій вопросъ рѣзко отличенъ отъ вопроса русско-финляндскаго.

Политическое Совѣщаніе при Главнокомандующемъ Сѣверо-Западнаго фронта выработало и было готово, съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности и передъ своимъ отечествомъ, и передъ Финляндіей, принять договоръ съ Финляндіей, въ статьѣ первой котораго говорилось: »Положеніе Финляндіи, въ качествѣ суверменаго государства, признается безъ всякихъ оговорокъ и ограниченій, какъ совершившійся фактъ». Ибо мы по совѣсти могли сказать финляндскому правительству, что дореволюціонная политика оффиціальной Россіи въ финляндскомъ вопросѣ не имѣла корней въ русскихъ народныхъ массахъ, что въ сознаніи русскаго народа, наоборотъ, съ давняго времени сложилось и твердо укоренилось воззрѣніе на Финляндію, какъ на самостоятельную окраину Россіи, обособленную и въ культурномъ, и въ бытовомъ, и въ правовомъ отношеніи, и связанную съ Имперіей, въ составъ которой она не входила, лишь личной уніей, что право Финляндіи на территорію, дающую выходъ къ зимнему порту у Ледовитаго океана, основано на неоспоримомъ правовомъ актѣ и что, въ силу всего этого, насколько

возможно политическое предвидѣніе, мы не сомнѣваемся въ томъ рѣшеніи русско-финляндскаго вопроса, которое приметъ всероссійское Учредительное Собраніе.

Подобнаго моральнаго обязательства передъ Эстоніей и передъ эстонскимъ правительствомъ ни одинъ русскій политическій дѣятель принять на себя не можетъ. Въ виду этого, въ самое послѣднее время, мы сдѣлали попытку начать переговоры съ эстонскимъ правительствомъ на базѣ взаимнаго признанія общности интересовъ въ активномъ выступленіи противъ большевиковъ и, въ частности, въ совмѣстномъ движеніи на Петроградъ. Мы соглашались, уступая настойчивому и съ ихъ точки зрѣнія вполнѣ понятному желанію эстонцевъ, декларировать и признаніе нами независимости Эстоніи, причемъ принимали на себя обязательство сообщить это признаніе, въ копіяхъ и черезъ особо посланныхъ лицъ, русскому Парижскому совѣщанію и адмиралу Колчаку. Но мы не скрывали ни отъ себя, ни отъ нихъ, что отнюдь не брали на себя смѣлости смотрѣть на нашу декларацію, какъ на волеизъявленіе русскаго народа, а лишь давали ею чисто личное обѣщаніе, если эстонскія войска пойдутъ на Петроградъ и операція завершится успѣхомъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, способствовать въ будущемъ правовому закрѣпленію за Эстоніей государственной самостоятельности.

Во всякомъ случаѣ, центръ вопроса мы переносили въ другую плоскость. Теоретически мы исходили изъ формулы: »Въ борьбѣ съ разложившимъ отечество большевизмомъ, всѣ народы Россіи обрѣтутъ право на устроеніе ихъ государственнаго бытія, въ формахъ самостоятельности, соотвѣтственно ихъ усиліямъ и участію въ общемъ дѣлѣ побѣды надъ разложеніемъ» (прилож. № 5). Практически — мы считали своимъ первѣйшимъ долгомъ оградить интересы русскаго дѣла, т. е. реально обезпечить военную помощь Эстоніи.

И мы имѣли основанія полагать, что въ этой плоскости вопросъ можетъ получить благопріятное разрѣшеніе. Съ эстонской стороны намъ говорили, что признаніе независимости Эстоніи необходимо, какъ лозунгъ для солдатъ. Мы не спорили, но понимали, что лозунгомъ для пролитія крови

можетъ служить борьба за независимость, но никакъ не независимость, декларированная и признанная. Для насъ было ясно, что если сказать эстонскимъ солдатамъ: »независимость Эстоніи признана, — идите на Петроградъ», то въ ихъ сознаніи естественно сложится противоположное умозаключеніе: »независимость признана, цѣль достигнута, тѣмъ болѣе, слѣдовательно, нѣтъ нужды проливать кровь за предѣлами государственной границы». Мы учитывали страстность желаній эстонскаго правительства добиться признанія независимости Эстоніи и не нами, конечно, не той или другой группой болѣе или менѣе случайныхъ русскихъ гражданъ и даже не адмираломъ Колчакомъ, а союзными державами, которыя поставили условіемъ, что инициатива признанія должна исходить отъ русскаго народа. Но мы учитывали также реальную обстановку и ея пониманіе эстонскимъ правительствомъ.

Реальная же обстановка свидѣтельствовала, что большевистская пропаганда неудержимо проникаетъ въ Эстонію и въ эстонскія войска, что въ этомъ отношеніи русская Сѣверо-Западная армія являетъ собою для Эстоніи заслонъ, что если наша армія не будетъ немедленно одѣта, обута и вооружена, не перейдетъ въ наступленіе и развалится, то потокъ большевизма зальетъ Эстонію, — словомъ, что безотлагательное занятіе Петрограда и нанесеніе мощнаго удара русскому большевизму составляютъ самостоятельный жизненный интересъ молодого, еще только слагающагося, эстонскаго государства. Наши надежды на успѣхъ подкрѣплялись неоффиціально намъ извѣстной готовностью эстонскаго главнаго военнаго командованія удовлетвориться признаніемъ независимости Эстоніи Политическимъ Совѣщаніемъ, съ посылкою о томъ телерамм адмиралу Колчаку, и перейти къ активнымъ военнымъ операціямъ, не ожидая отвѣта отъ Верховнаго Правителя Россіи.

Вмѣшательство генерала Марша вернуло вопросъ въ ту плоскость, въ которой онъ находился ранѣе и органически не могъ получить благопріятнаго для русскихъ интересовъ разрѣшенія. Тотъ текстъ, который 10 августа былъ предложенъ генераломъ Маршемъ приглашеннымъ имъ русскимъ, для подписанія »не выходя изъ комнаты», былъ

составленъ въ формѣ двухсторонняго обязательства. Онъ заключалъ въ себѣ съ русской стороны признаніе абсолютной независимости Эстоніи, со стороны эстонской — обѣщаніе оказать немедленную поддержку вооруженной силой. И мы сознательно приняли участіе въ снабженіи полномочіями троихъ русскихъ представителей исполнить требованіе и текстъ подписать. Дѣйствительная катастрофичность положенія обязывала насъ, во имя немедленной поддержки со стороны Эстоніи »вооруженной силой», идти на все: на образованіе правительства безъ санціи изъ Омска и даже безъ вѣдома генерала Юденича, равно на самыя тяжелыя испытанія нашей политической совѣсти. Мы думали, что, если генераломъ Маршемъ еще и не обезпечено согласіе на подписаніе документа съ эстонской стороны, то имъ, во всякомъ случаѣ, будетъ предъявлено эстонцамъ такое же ультимативное требованіе, какое было предъявлено намъ.

Но съ эстонцами ген. Маршъ говорилъ на другомъ языкѣ. И на слѣдующій день, 11 августа, министрамъ демократическаго правительства Сѣверо-Западной Области Россіи было предложено для подписи уже одностороннее обязательство, которое, безъ всякихъ гарантій для русскаго дѣла, заключало въ себѣ признаніе абсолютной независимости Эстоніи, просьбу, обращенную къ представителямъ союзныхъ державъ, добиться отъ своихъ правительствъ признанія эстонской независимости, неизвѣстно зачѣмъ включенное признаніе генерала Юденича Главнокомандующимъ, — такъ какъ вопроса объ этомъ въ русскихъ войскахъ и среди русскаго населенія въ занятыхъ Сѣверо-Западной арміей мѣстностяхъ и не возникало, — и просьбу, обращенную къ ген. Юденичу, начать переговоры съ Главнокомандующимъ эстонской арміей.

Изъ этого документа съ несомнѣнностью явствовало, что немедленная вооруженная помощь Эстоніи отодвинулась на второй планъ и первое мѣсто заняла инціатива яко бы русскаго народа, отъ лица котораго ее выразили гг. Ліанозовъ, Маргуліесъ, Александровъ, Филиппео, Горнъ и Н. Н. Ивановъ, для международнаго признанія абсолютной независимости Эстоніи. Связь, такимъ образомъ, между признаніемъ независимости Эстоніи

и немедленной вооруженной помощью эстонскихъ войскъ порвалась. Въ результатѣ, черезъ двѣ съ небольшимъ недѣли палъ Псковъ. Еще нѣсколько дней спустя, 31 августа, эстонскій министръ иностранныхъ дѣлъ говорилъ финляндскому журналисту, что предположенія о наступленіи эстонцевъ на Петроградъ не болѣе, какъ слухи, ибо »мы слишкомъ слабы, чтобы участвовать въ такой авантюрѣ». А 2-го сентября г. Поска началъ сношенія съ большевиками по вопросу о мирныхъ переговорахъ и 12 сентября эстонское учредительное собраніе образовало для заключенія мира особую коммиссію, причемъ постановило: »сдѣлать все, чтобы миръ былъ заключенъ.»

Намъ неизвѣстно къ моменту, когда мы пишемъ наше объясненіе, получитъ ли силу въ глазахъ правительствъ союзныхъ державъ »Заявленіе» правительства Сѣверо-Западной Области, какъ въ томъ изложеніи, которое осталось въ карманѣ у ген. Марша, такъ и въ томъ, въ которомъ оно отправлено по назначенію. Пока намъ извѣстны лишь два факта: отвѣта на »просьбу» до истеченія мѣсяца не послѣдовало, и эстонцы, думаемъ, въ порядкѣ давленія на правительства союзныхъ державъ, заявляютъ о желаніи сдѣлать все, чтобы былъ заключенъ миръ съ большевиками. Вѣрно ли наше предположеніе о намѣреніяхъ эстонцевъ или нѣтъ, съ точки зрѣнія интересовъ русскаго дѣла, безразлично. Въ обоихъ случаяхъ, итогъ одинъ: вѣроятность занятія Петрограда не приблизилась, а отдалилась. Приходится констатировать, что категорическія слова представителей союзныхъ миссій, въ связи съ признаніемъ Сѣверо-Западнымъ правительствомъ независимости Эстоніи, о томъ, что Петроградъ будетъ освобожденъ къ 1 октября, не находились въ соотвѣтствіи съ вѣрной оцѣнкой положенія.

Но мы не можемъ не сказать, что и 11 августа намъ представлялось, что предложенная ген. Маршемъ оговорка касательно обстоятельствъ, принудившихъ нѣсколько лицъ изъ русскихъ гражданъ, помимо ихъ воли, принять званія министровъ, объявить, что они признаютъ абсолютную независимость Эстоніи, и просить о санкціи таковаго признанія адмирала Колчака и правительства со-

юзныхъ державъ, -- что такая оговорка едва ли способна была усилить фикцію свободнаго волеизъявленія русскаго народа.

По существу эта оговорка была безусловно необходима, такъ какъ безъ нея не было бы правды. Но она въ то же время раскрываетъ и ту безспорную правду, что русско-эстонскій вопросъ, какъ онъ поставленъ передъ эстонцами въ Парижѣ, какъ его ставятъ намъ, русскимъ, эстонцы и какъ его поставилъ генералъ Маршъ, есть неразрѣшимая проблемма.

»Въ карманѣ» эстонскаго правительства еще съ марта мѣсяца лежитъ признаніе независимости Эстоніи, въ видѣ документа, подписаннаго девятью русскими людьми, бѣжавшими изъ предѣловъ владычества большевиковъ и нашедшими пріютъ въ Ревелѣ. Правда, подписывая документъ, эти лица не ставили передъ своими именами слова »министръ». Но лично они были ничуть не менѣе авторитетны, чѣмъ гг. Ліанозовъ, Маргуліесъ, Александровъ, Филиппео, Горнъ и Ивановъ, и никто не откажетъ имъ въ томъ, что они рѣшились тогда на этотъ актъ съ безупречно чистыми намѣреніями, движимые горячей любовью къ родинѣ и въ безысходной надеждѣ спасти положеніе.

Нынѣ, по требованію генерала Марша, составленъ и посланъ въ Омскъ, въ Лондонъ, въ Парежъ и въ Вашингтонъ документъ, совершенно однородный по содержанію и по авторитету его составителей. И, если просьба министровъ Сѣверо-Западнаго правительства, помимо воли ими заявленная, вопреки этой аннулирующей силу документа оговоркѣ, будетъ удовлетворена, то, само собою разумѣется, признаніе независимости Эстоніи будетъ самостоятельнымъ актомъ Верховнаго Правителя Россіи и союзныхъ правительствъ, а отнюдь не формальной только санкціей рѣшенія, принятаго въ Ревелѣ.

Мы были лишены всякой возможности высказать приводимыя соображенія генералу Маршу, который не счелъ нужнымъ насъ предварительно выслушать. И, конечно, если бы ген. Маршъ или глава миссіи ген. Гофъ, ранѣе объявленія ультиматума, пожелали спросить у насъ объясненія, то отъ нихъ мы не имѣли бы тайнъ. 10 августа,

въ моментъ прибытія въ англійское консульство мы не были даже въ точности освѣдомлены, что именно произошло за время послѣ нашего отъѣзда изъ Ревеля 7 августа. Остававшійся въ Ревелѣ С. Г. Ліанозовъ, равнымъ образомъ, зналъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, что отъ генерала Юденича была получена эстонскимъ правительствомъ какая-то бумага, въ отвѣтъ на которую явилась угроза увести эстонскія войска въ предѣлы эстонской границы. Съ другой стороны, слова генерала Марша, какъ будто, недопускали даже сомнѣнія въ томъ, что съ самаго момента подписанія русскими представителями текста предложеннаго имъ соглашенія эстонскія войска приступятъ къ совмѣстнымъ съ русской арміей активнымъ дѣйствіямъ. Въ тотъ день, когда мы были въ Нарвѣ, 3 августа, большевиками былъ сдѣланъ прорывъ на Ямбургъ. И мы знали что прорывъ завершился паденіемъ Ямбурга только потому, что эстонское военное командованіе отказало послать въ наступленіе стоявшую на позиціяхъ эстонскую дивизію. Тоже самое могло повториться въ любую минуту въ раіонѣ Пскова. При такихъ условіяхъ, мы естественно, какъ сказано выше, были готовы на все.

Но когда вечеромъ 10 августа выяснилось, что предложенный ген. Маршемъ текстъ соглашенія еще будетъ обсуждаться въ эстонскомъ правительствѣ, то всѣ наши усилія были направлены къ тому, чтобы ген. Маршъ согласился выждать пріѣзда ген. Юденича, который одинъ могъ освѣтить намъ положеніе и въ военномъ, и въ политическомъ отношеніи.

Ген. Юденичъ пріѣхалъ въ ночь на 12-ое августа. Оказалось, что 7 августа въ Нарвѣ былъ ген. Гофъ, съ которымъ ген. Юденичъ велъ продолжительную бесѣду и съ вѣдома котораго ген. Юденичъ составилъ письмо на имя главнокомандующаго эстонскими войсками ген. Лайдонера. Въ этомъ письмѣ ген. Юденичъ заявлялъ, что онъ, какъ глава русской власти въ раіонѣ Сѣверо-Западнаго фронта, признаетъ независимость Эстоніи подъ условіемъ безотлагательнаго участія эстонскихъ войскъ въ развитіи операцій на Петроградъ, и далѣе излагалъ подробности военно-техническаго соглашенія. Письмо имъ было вручено генералу Гофу.

Приэтомъ, въ довѣрительномъ разговорѣ съ ген. Гофомъ, ген. Юденичъ не скрылъ, что смотритъ на свое признаніе независимости Эстоніи, какъ на вынужденное, и въ откровенныхъ выраженіяхъ квалифицировалъ настойчивыя требованія эстонцевъ, чтобы онъ, генералъ Юденичъ, призналъ эстонскую независимость.

Генералъ Гофъ, передавая письмо ген. Юденича, вмѣстѣ съ тѣмъ передалъ отъ своего имени меморандумъ, и въ меморандумѣ повторилъ тѣ выраженія, которыя довѣрительно слышалъ отъ ген. Юденича. Всѣхъ подробностей своего разговора съ ген. Гофомъ, ген. Юденичъ намъ не передавалъ. Но у насъ осталось впечатлѣніе, что письмо ген. Лайдонеру было прямымъ результатомъ этого разговора. Далѣе отъ ген. Юденича мы узнали, что въ русскихъ войскахъ и собственно на русскомъ фронтѣ въ послѣдніе дни ничего особенно тревожнаго не произошло, а что въ двухъ эстонскихъ полкахъ были волненія, съ признаками роста большевистскаго настроенія.

Такимъ образомъ, мы лишь 12 августа могли бы представить ген. Маршу наши соображенія. Но было уже поздно. Уже Политическаго Совѣщанія не существовало, уже были министры образованнаго Сѣверо-Западнаго правительства. Уже ген. Маршъ считалъ политическій переворотъ произведеннымъ. Намъ оставалось лишь зафиксировать въ послѣднемъ журналѣ Политическаго Совѣщанія, что Совѣщаніе 12 августа прекратило свою дѣятельность.

III.

Медленно и съ чрезвычайными трудностями слагались въ русскомъ общественномъ сознаніи начала планомѣрной борьбы съ большевизмомъ. И лишь тогда, когда эти начала сложились, борьба стала давать первые крупные результаты. Эти начала суть: единство въ борьбѣ всѣхъ отрицающихъ большевизмъ слоевъ и классовъ народа, равно всѣхъ областей возсоздаваемой родины, и подчиненіе всѣхъ политическихъ стремленій и идеаловъ единственной задачѣ минуты, — сломить большевистскую анархію и возстановить государственный порядокъ.

Едва ли есть необходимость подробно аргументировать значеніе началъ единства и дисциплины для достиженія побѣды въ самой жестокой и трудной изъ войнъ, — въ войнѣ гражданской. Важно отмѣтить, что къ настоящему моменту они являются общепризнанными и въ раіонахъ операцій адмирала Колчака и генерала Деникина, и среди политическихъ дѣятелей, ведущихъ борьбу въ предѣлахъ владычества большевиковъ, мужественно переносящихъ муки голода и ежедневно сотнями слагающихъ головы. Тамъ, внутри совѣтской Россіи, еще съ весны 1918 года, на началахъ единства и дисциплины, образовались надпартійныя и надпрограммныя организаціи, работающія въ невѣроятно тяжелыхъ условіяхъ и все же не опускающія рукъ. Въ раіонахъ операцій адмирала Колчака и генерала Деникина начала единства и дисциплины получили реальное выраженіе въ организаціи власти.

Власть организована, во-первыхъ, какъ единая, всероссійская; во-вторыхъ, — какъ временная, впредь до возстановленія порядка и созыва Учредительнаго Собранія; въ-третьихъ, — по принципу военной диктатуры. Изъ единства власти вытекаетъ, что въ борющейся съ большевизмомъ Россіи можетъ существовать лишь одно всероссійское правительство. Изъ временнаго ея характера — условность разрѣшенія возникающихъ вопросовъ о судьбѣ бывшей Россійской Имперіи. Изъ принципа военной диктатуры — главенство надъ центральной и областной гражданской властью высшихъ представителей военнаго командованія.

Что касается военной диктатуры, въ смыслѣ основы организаціи русской власти, ведущей борьбу съ большевизмомъ, то она признана не только русскими руководящими политическими кругами, работающими какъ въ Петроградѣ и въ Москвѣ, такъ равно и въ западно-европейскихъ центрахъ, но она признана одинаково правительствами и общественнымъ сознаніемъ союзныхъ державъ. Европейская пресса знаетъ имена Колчака и Деникина и совершенно не знаетъ именъ лицъ, стоящихъ во главѣ гражданскихъ правительственныхъ организацій въ Омскѣ и въ Екатеринодарѣ. Англія, Франція и Соединенные Штаты

Америки сносятся съ адмираломъ Колчакомъ и съ генераломъ Деникинымъ, помогаютъ »Колчаку« и »Деникину« и никогда не приходилось слышать, что помощь оказывается »правительству Вологодскаго«.

Въ соотвѣтствіе съ идеей единой всероссійской власти, правительство Верховнаго Правителя Россіи адмирала Колчака распространяетъ свою дѣятельность, конечно, въ мѣрѣ возможности, на всѣ отвоеванныя отъ большевиковъ мѣстности. Гражданская власть при генералѣ Деникинѣ правительствомъ не именуется, и отдѣльныя лица, входящія въ составъ образованнаго при генералѣ »политическаго совѣщанія«, званія министровъ не имѣютъ

На тѣхъ же началахъ была построена власть въ раіонѣ Сѣверо-Западнаго фронта. Вся полнота власти сосредоточивалась въ рукахъ Главнокомандующаго, генерала Юденича, назначеннаго указомъ Верховнаго Правителя Россіи. Генералъ Юденичъ до 11 августа былъ военнымъ диктаторомъ въ полномъ смыслѣ слова и не только имѣлъ право, но обязанъ былъ говорить и съ войсками, и съ населеніемъ на автократичномъ языкѣ, ибо онъ, дѣйствительно, являлся единоличнымъ главою русскаго дѣла въ раіонѣ фронта. И именно такъ его всегда неизмѣнно трактовали правительства союзныхъ державъ. Всѣ сношенія направлялись лично къ нему. Продовольствіе для Петрограда и для занятыхъ мѣстностей поступало »въ распоряженіе генерала Юденича«. Помощь вооруженіемъ и снаряженіемъ — тоже. Равнымъ образомъ, адмиралъ Колчакъ и состоящее при немъ всероссійское правительство и парижскіе представители Верховнаго Правителя обращали всѣ запросы и указанія исключительно къ нему, т. е. лично къ генералу Юденичу. Всѣ денежныя ассигнованія поступали на его имя.

Какъ органъ гражданской и политической власти, отвѣтственной за рѣшенія по вопросамъ политическаго характера, при Главнокомандующемъ Сѣверо-Западнаго фронта состояло Политическое Совѣщаніе изъ пяти членовъ, назначенныхъ, при образованіи Совѣщанія генераломъ Юденичемъ. Совѣщаніе имѣло цѣлью оказывать Главнокомандующему всемѣрное содѣйствіе »въ достиженіи и выполненіи лежащихъ на немъ задачъ«. На каждаго члена Совѣщанія возлагалось отвѣтственное завѣдываніе однимъ или нѣсколькими изъ слѣдующихъ отдѣловъ: военнаго, внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ

дѣлъ, торговли и промышленности, путей сообщенія, финансовъ, продовольствія, юстиціи, печати и агитаціи, снабженія и топлива.

Образованіе генераломъ Маршемъ Сѣверо-Западнаго правительства съ пятнадцатью министерствами и съ шестнадцатью министрами въ корнѣ разрушило всю систему. Въ раіонѣ Сѣверо-Западнаго фронта, мѣсто Главнокомандующаго, какъ единоличнаго главы »русскаго дѣла», заняло »министерство Ліанозова». Генералъ Маршъ опредѣленно поставилъ задачей построить власть не на принципѣ военной диктатуры, а на началѣ коллегіальнаго демократическаго главенства, съ подчиненіемъ высшаго военнаго командованія самостоятельному, въ своихъ рѣшеніяхъ и дѣйствіяхъ, правительству партійно-коалиціоннаго характера.

»Правительство г. Ліанозова» оторвало раіонъ Сѣверо-Западнаго фронта отъ общихъ формъ организаціи русской власти въ дѣлѣ борьбы съ большевиками. И для насъ не представлялось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что организація власти на Сѣверномъ фронтѣ, въ Архангельскѣ, не могла служить, въ данномъ случаѣ, примѣромъ. Въ Архангельскѣ, правда, тоже есть »правительство г. Чайковскаго», стоящее внѣ подчиненія мѣстной русской военной власти. Но тамъ вообще нѣтъ самостоятельнаго положенія ни русской военной, ни русской гражданской власти. На Сѣверномъ фронтѣ болѣе рѣшительно, чѣмъ гдѣ бы то ни было, торжествуетъ начало военной диктатуры, но только диктатуры не русской, а иноземной, осуществляемой властью Главнокомандующаго, назначеннаго союзными державами.

12 августа мы еще не имѣли полной увѣренности, что образованіе Сѣверо-Западнаго правительства будетъ мѣрой ненужной въ смыслѣ достиженія непосредственной цѣли созданія его генераломъ Маршемъ, т. е. дабы эстонскія войска безотлагательно перешли изъ пассивнаго положенія въ активное. Съ другой стороны, мы не имѣли основаній сомнѣваться, что, разъ ультимативное требованіе генерала Марша будетъ исполнено, то настоятельно необходимая помощь сѣверо-западной арміи одеждой, обувью и вооруженіемъ въ ближайшіе же дни польется широкой рѣкой. Словомъ, мы были, если не въ состояніи увѣренности, то были полны самой реальной, какъ намъ казалось, надежды, что въ военномъ отношеніи катастрофа будетъ предотвращена. А потому,

хотя мы еще наканунѣ приняли рѣшеніе лично въ составъ правительства не входить, тѣмъ не менѣе мы считали своимъ долгомъ дать совѣтъ генералу Юденичу, чтобы онъ предъявилъ требованіе ген. Маршу о сохраненіи авторитета Главнокомандующаго.

Это требованіе, при нашемъ участіи, было формулировано въ четырехъ тезисахъ: а) правительство образуется »при Главнокомандующемъ», б) Главнокомандующій, когда найдетъ нужнымъ, участвуетъ въ засѣданіяхъ правительства и, въ такихъ случаяхъ, предсѣдательствуетъ, в) министры утверждаются Главнокомандующимъ, г) во всѣхъ ссылкахъ на Учредительное Собраніе правительство должно имѣть въ виду только единое всероссійское таковое собраніе.

Генералъ Маршъ согласился лишь съ послѣднимъ четвертымъ тезисомъ, Въ отношеніи же первыхъ трехъ заявилъ, что они безусловно непріемлемы. Онъ объявилъ, какъ основное свое условіе, что не Главнокомандующій, въ организаціи власти въ раіонѣ Сѣверо-Западнаго фронта, долженъ быть »надъ правительствомъ», а наоборотъ. Въ цѣляхъ смягченія этого условія, онъ предложилъ, чтобы генералъ Юденичъ принялъ на себя званіе премьеръ-министра, подчиняясь, однако, правительству, какъ коллегіи. А когда ген. Юденичъ взять на себя предсѣдательствованіе въ правительствѣ отказался, то ген. Маршъ предложилъ ему принять портфель военнаго министра и съ этимъ званіемъ войти въ составъ правительства, сохраняя за собою должность Главнокомандующаго. Ген. Юденичъ на это далъ согласіе.

Такимъ образомъ, генералъ Маршъ, создавая демократическое правительство Сѣверо-Западной Области Россіи, не только руководствовался требованіемъ эстонскаго правительства, которое, какъ вытекало изъ текста »Заявленія», предложеннаго ген. Маршемъ 11 августа, единственно съ такимъ правительствомъ согласно было вести переговоры, но онъ преслѣдовалъ опредѣленно поставленную принципіальную задачу. Насколько онъ дѣйствовалъ въ интересахъ обезпеченія симпатій къ помощи Россіи европейскаго общественнаго мнѣнія, — судить не намъ. Но мы имѣемъ смѣлость думать, что намъ было ближе, чѣмъ ему, извѣстно, что онъ дѣйствовалъ не въ интересахъ Россіи, — что онъ причинилъ нашему русскому дѣлу совершенно ненужный и ничѣмъ не оправдываемый вредъ. Намъ вспоминались пресловутые »армейскіе комитеты». Намъ красочно рисовались тя-

желые уроки нашего недавняго послѣреволюціоннаго прошлаго.

Вредъ причиненъ тѣмъ, что въ труднѣйшій моментъ, когда требуется величайшее напряженіе для борьбы, были поколеблены начала единства и дисциплины. Мы не могли скрывать отъ себя, что мѣра принятая ген. Маршемъ, болѣзненно отзовется въ сознаніи тѣхъ, кто ведутъ борьбу въ Петроградѣ и въ Москвѣ, и что, если она не встрѣтитъ прямого противодѣйствія изъ Омска, то только вслѣдствіе исключительности положенія нашей родины, спасеніе которой зависитъ, прежде всего, отъ воли и матеріальной помощи союзныхъ странъ. Намъ памятна была телеграмма отъ 14 іюня изъ Омска, въ которой генералу Юденичу сообщалось: »Верховная власть Россійскаго Правительства возглавляемая Верховнымъ Правителемъ адмираломъ Колчакомъ, въ губерніяхъ, освобождаемыхъ ввѣренными Вамъ войсками, осуществляется Вами именемъ Верховнаго Правителя. Поэтому никакого новаго правительства на ввѣренной Вамъ территоріи допускать не слѣдуетъ».

И послѣдующія обостоятельства показали, что мы не ошибались. Вмѣсто отвѣта на телеграмму »правительства г. Ліанозова», генераломъ Юденичемъ была получена телеграмма изъ Омска отъ 28 августа, начинающаяся въ слѣдующихъ выраженіяхъ: »Освѣдомившись о перемѣнѣ управленія Сѣверо-Западной Области, Верховный Правитель повелѣлъ передать, что Вамъ будетъ оказано всемѣрное содѣйствіе для успѣшнаго завершенія борьбы съ большевизмомъ въ Петроградскомъ раіонѣ». И далѣе опять дважды почеркивается, что адмиралъ Колчакъ попрежнему продолжаетъ считать высшимъ представителемъ мѣстной русской власти — и военной, и гражданской — лично генерала Юденича. Въ результатѣ, создалось положеніе, явно ненормальное. Получилось русское мѣстное областное правительство, игнорируемое всероссійской властью.

До дня, когда мы пишемъ настоящее объясненіе, нѣтъ, впрочемъ, данныхъ, свидѣтельствующихъ и о признаніи Сѣверо-Западнаго правительства союзными державами. Правительство же эстонское прямо заявляетъ, что оно признаетъ правительство Ліанозова и начнетъ съ нимъ переговоры лишь послѣ того, какъ будетъ удовлетворена просьба правительства, обращенная къ союзнымъ державамъ и къ адмиралу Колчаку, о признаніи независимости Эстоніи. И въ отношеніи нѣко-

торыхъ стѣсненій, которыя испытывали русскіе граждане со стороны эстонскаго правительства, послѣ 11 августа не только не произошло улучшенія, но, напротивъ, стѣсненія сдѣлались еще большими. Что же касается эстонскаго общественнаго мнѣнія, насколько его отзвукомъ служатъ ревельскія газеты, то оно относится къ демократическому правительству Сѣверо-Западной области Россіи съ глубоко оскорбительной для русскаго слуха презрительной ироніей. Словомъ, Эстонія, по отношенію къ борющейся съ большевиками Россіи, продолжаетъ все ту же политику, смыслъ которой откровенно формулировалъ намъ г. Штрандманъ и рѣзкая квалификація которой генераломъ Юденичемъ отнюдь не была далека отъ истины.

IV.

Если въ отношеніи политическомъ, 10—12 августа еще могли быть различныя мнѣнія о пользѣ и необходимости образованія Сѣверо-Западнаго правительства, то въ отношеніи дѣловомъ и тогда двухъ мнѣній существовать не могло. Въ глаза сразу бросалась совершенная безцѣльность громоздкой и сложной организаціи, съ громкими словами »правительство« и »министры«, не находившимися ни въ малѣйшемъ соотвѣтствіи съ дѣловыми задачами. Также точно, сразу бросалось въ глаза явное противорѣчіе между упреками ген. Марша: »русскіе только спорятъ и говорятъ« и »довольно словъ — нужно дѣло«, — и созданіемъ такой организаціи власти, которая, при отсутствіи достаточнаго дѣла, какъ будто нарочно имѣла въ виду поощреніе склонности къ словеснымъ преніямъ.

Ибо, казалось бы, разъ органическое свойство русскихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей »только спорить и говорить«, то первое, что отсюда вытекаетъ, — это необходимость избѣгать коллегій, а если вовсе избѣжать коллегіальной системы невозможно, то самое крайнее ограниченіе числа привлекаемыхъ въ коллегію лицъ. Между тѣмъ, ген. Маршъ, для управленія дѣлами на территоріи двухъ уѣздовъ, Гдовскаго и Псковскаго, счелъ нужнымъ образовать правительственную коллегію изъ шестнадцати лицъ, включивъ въ нее морского министра, при отсутствіи флота, министра почтъ и телеграфа, для направленія дѣятельности двухъ почтовыхъ конторъ и пяти-шести сельскихъ почтовыхъ

отдѣленій, министра просвѣщенія, для высшаго руководства дѣломъ просвѣщенія въ двухъ-трехъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ двухъ-трехъ десяткахъ начальныхъ училищъ, и т. д. Мало того, ген. Маршъ включилъ въ правительство даже одного министра безъ портфеля, т. е. создалъ должность, весь смыслъ которой заключается въ томъ, что это есть должность »для разговоровъ».

Изъ текста »Заявленія», которое было предложено ген. Маршемъ для подписи 11 августа, слѣдуетъ, впрочемъ, что, по его мысли, созданное имъ правительство должно было быть правительствомъ не только »до Петрограда», но и »для Петрограда», — по крайней мѣрѣ на время до созыва въ Петроградѣ или »временно во Псковѣ» Учредительнаго Собранія. И, если такъ, то при увѣренности, которую онъ высказывалъ, что союзники гарантируютъ освобожденіе Петрограда не позже 1-го октября, учрежденіе пятнадцати министерскихъ портфелей въ его глазахъ могло имѣть реальное оправданіе. Но для насъ такая мысль давала тѣмъ меньшее оправданіе образованію правительства Сѣверо-Западной Области.

Петроградъ и Москва переживаютъ нестерпимо мучительные долгіе мѣсяцы. Но пульсъ политической жизни въ нихъ все же не замеръ. Мы, счастливо вырвавшіеся изъ совѣтской Россіи, это знаемъ и обязаны помнить каждый день. Русскіе эмигранты въ Финляндіи и въ Эстоніи не смѣютъ ни на минуту забывать, что имъ никто не давалъ полномочій смотрѣть на себя, какъ на людей, которые будутъ осуществлять правительственную власть въ Петроградѣ, — послѣ того, когда силою оружія несчастная столица Россіи будетъ освобождена. Сформировать правительство петроградскіе политическіе элементы съумѣютъ сами. Эмигранты — только случайная горсть счастливцевъ, которой удалось спастись отъ голода и отъ разстрѣловъ. Эта горсть объединена желаніемъ спасти Петроградъ, но ценза на право быть правительствомъ для Петрограда она не имѣетъ.

Ген. Маршъ, очевидно, полагалъ, что онъ льститъ нашему самолюбію, когда говорилъ 10 августа въ Ревелѣ, что видитъ передъ собою самыхъ выдающихся русскихъ людей. Мы вынуждены были молчать и молча снести національную обиду. Но намъ до боли хотѣлось крикнуть: »Неправда! Выдающіеся русскіе люди не передъ вами, они за рубежемъ, они во власти большеви-

ковъ» . . . Въ тотъ мигъ намъ было еще больнѣе отъ сознанія, что изъ приглашенныхъ ген. Маршемъ русскихъ не всѣ ощущали горечь національной обиды.

Въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ, полученномъ въ Гельсингфорсѣ отъ одной изъ двухъ объединенныхъ политическихъ организацій, руководящихъ внутри Россіи дѣломъ борьбы съ большевиками, есть, между прочимъ, слѣдующія строки: »Уѣхавшіе не желаютъ думать объ оставшихся въ Москвѣ и въ Россіи . . . За рубежемъ должно создаться убѣжденіе, что Москва представляетъ собою брошенное мѣсто, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ судорожной борьбы съ голодомъ. Здѣсь же, на мѣстѣ, кажется, что за предѣлами совѣтской Россіи принимаются окончательныя рѣшенія, опредѣляющія ея судьбы. Между тѣмъ, необходимо помнить, что сейчасъ въ Москвѣ остается много цѣнныхъ элементовъ, прошедшихъ до конца всю ужасную школу жизни подъ совѣтскимъ управленіемъ и не оторванныхъ отъ почвы . . . Ожидая помощи отъ своихъ друзей извнѣ, Москва поистинѣ можетъ сказать, что сытый голоднаго не понимаетъ. Ни вѣстей, ни помощи и только одно желаніе опредѣлять судьбу Московскаго центра, не спрашивая его мнѣнія» . . .

Хотя это письмо прислано изъ Москвы, но въ Петроградѣ тѣ же самыя условія, и тѣ же организаціи несутъ всю тяжесть мѣстной работы. Въ Петроградѣ, совершенно также, какъ въ Москвѣ, осталось »много цѣнныхъ элементовъ, прошедшихъ до конца всю ужасную школу жизни подъ совѣтскимъ управленіемъ и не оторванныхъ отъ почвы». Вотъ эту то свою неизбѣжную оторванность отъ почвы слишкомъ часто, увы, забываютъ бѣженцы-эмигранты, рискующіе брать на себя »опредѣленіе судьбы» Петрограда, Москвы и Россіи и полагающіе, что они могутъ въ Ревелѣ, въ Гельсингфорсѣ, въ Стокгольмѣ или въ Парижѣ образовать изъ своей среды правительство »для Петрограда». Правда, насколько намъ извѣстно, образованное ген. Маршемъ правительство Сѣверо-Западной Области предполагаетъ, немедленно по занятіи Петрограда и не ожидая созыва Учредительнаго Собранія, сложить свои полномочія. Но эта немедленность представляется, однако, весьма условной.

Въ »Заявленіи Эстонскому правительству и представителямъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи и Великобританіи», — не по тексту, оставшемуся въ карманѣ у ген. Марша, а по тексту, отправленному по назначенію,

— сказано, что правительство разсчитываетъ на поддержку со стороны Эстоніи, »дабы правительство, войдя въ Петроградъ, могло установить твердый демократическій порядокъ и осуществить демократическую программу, основанную на уваженіи человѣческихъ правъ и свободы». Слѣдовательно, вслѣдъ за войсками, которыя освободятъ Петроградъ, въ Петроградъ, во всякомъ случаѣ, войдетъ готовое правительство изъ шестнадцати министровъ, образованное въ Ревелѣ безъ вѣдома о томъ петроградскихъ политическихъ организацій, — правительство съ всеобъемлющей задачей »установить твердый демократическій порядокъ и осуществить демократическую программу». Этотъ фактъ не только будетъ съ тяжелымъ чувствомъ встрѣченъ въ Петроградѣ, но онъ никоимъ образомъ и объективно не будетъ способствовать скорѣйшему установленію »твердаго демократическаго порядка».

Нѣтъ спора, что правительственная власть, — все равно, образованная въ Гельсингфорсѣ »при главнокомандующемъ» или въ Ревелѣ »надъ главнокомандующимъ», — должна имѣть своей первѣйшей задачей заботу о Петроградѣ, но заботу въ другомъ масштабѣ. А именно, по подготовкѣ того, что можетъ быть подготовлено только извнѣ: по обезпеченію скорѣйшей доставки продовольствія, топлива и другихъ предметовъ первой необходимости, по выработкѣ предположеній разнаго рода, каковыя предположенія могутъ быть впослѣдствіи использованы въ видѣ матеріаловъ, и т. п. Въ административномъ отношеніи на извнѣ образованной гражданской власти должны лежать подготовительныя дѣйствія къ тому, чтобы власть военная, въ первые же дни по вступленіи войскъ, была, по возможности, освобождена отъ заботъ по охранѣ порядка, но, само собою разумѣется, имѣя въ виду порядокъ полицейскій въ тѣсномъ смыслѣ, а отнюдь не тотъ твердый и демократическій, который основывается »на уваженіи человѣческихъ правъ и свободы» и установленіе котораго возможно лишь послѣ истеченія нѣкотораго, болѣе или менѣе продолжительнаго времени.

На этихъ, въ общихъ чертахъ, началахъ и работало въ продолженіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ Политическое Совѣщаніе при Главнокомандующемъ Сѣверо-Западнаго фронта. И именно потому, что Совѣщаніе считало своей главной обязанностью подготовительную работу для Петрограда, оно и послѣ того, когда упали

надежды на развитіе главныхъ военныхъ операцій противъ Петрограда съ сѣвера Финскаго залива, полагало по прежнему оставить центромъ своей дѣятельности Гельсингфорсъ, гдѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ въ Ревелѣ, сосредоточены личныя силы, гдѣ уже успѣли завязаться дѣловыя связи, откуда легче сношенія съ европейскими центрами и гдѣ, кстати оказать, находится главная квартира англійской военной миссіи генерала Гофа.

Что же касается дѣловыхъ задачъ по гражданскому управленію въ русскихъ уѣздахъ, занятыхъ Сѣверо-Западной арміи, то Политическое Совѣщаніе образовало организацію, построенную на началѣ сосредоточенія всѣхъ отраслей управленія въ рукахъ главноначальствующаго, примѣнительно къ закону о порядкѣ управленія въ оккупированныхъ войсками мѣстностяхъ. Ибо Совѣщаніе полагало, что такая система являлась единственно правильной, какъ по соображеніямъ принципіальнымъ, такъ и по соображеніямъ практическимъ. Мы, какъ уже говорили, не можемъ не признать, что къ 10-му августа положеніе дѣла въ области гражданскаго управленія въ занятыхъ уѣздахъ было близко къ состоянію разрухи. Но причины лежали отнюдь не въ принятой системѣ.

Произведенный въ маѣ натискъ сѣвернаго корпуса и исключительный успѣхъ натиска создали самыя крайнія затрудненія въ гражданской жизни освобожденныхъ мѣстностей. Административный аппаратъ не былъ заранѣе подготовленъ. Приходилось немедленно создавать учрежденія, назначать должностныхъ лицъ. И, въ результатѣ, получилась невѣроятная организаціонная пестрота. Въ однихъ мѣстностяхъ были возстановлены органы земскаго и городского самоуправленія, въ другихъ нѣтъ. Въ однихъ мѣстностяхъ быстро появилась мировая юстиція, въ другихъ царило полное безправіе. Коменданты, уѣздные и волостные, допускали постоянное превышеніе власти. Политическія задачи минуты преслѣдовались неумѣло, все сводилось къ жестокости. Но было во всѣхъ мѣстностяхъ и одно общее, лишавшее возможности раціонально дѣйствовать: полное отсутствіе денегъ и до половины іюня полная зависимость отъ эстонцевъ въ отношеніи продовольствія.

Политическое Совѣщаніе при генералѣ Юденичѣ, какъ только оно было образовано, безотлагательно же разработало положеніе о гражданскомъ управленіи въ занятыхъ сѣвернымъ корпусомъ мѣстностяхъ. Въ первыхъ

числахъ іюня положеніе было утверждено. Тогда же было назначено генераломъ Юденичемъ лицо, намѣченное Совѣщаніемъ, на должность главноначальствующаго. И что ни ген. Юденичъ, ни совѣщаніе въ избраніи даннаго лица не ошиблись, по крайней мѣрѣ въ глазахъ ген. Марша, свидѣтельствуетъ то, что это лицо ген. Маршемъ было включено въ списокъ предложенныхъ имъ министровъ, притомъ съ однимъ изъ наиболѣе важныхъ портфелей, — съ портфелемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Но визу на выѣздъ въ Эстонію К. А. Александровъ получилъ болѣе, чѣмъ три недѣли спустя. Тѣмъ временемъ разстройство въ тылу фронта продолжалось, и борьба съ разстройствомъ сдѣлалась еще труднѣе. Не говоря о другихъ препятствіяхъ къ упорядоченію тыла, остановимся на главнѣйшемъ, — на отсутствіи денегъ.

Мы, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, М. Н. Суворовъ и А. В. Карташевъ, по вступленіи въ обязанности членовъ Политическаго Совѣщанія, были въ первый разъ въ Ревелѣ съ 7 по 12 іюня. Намъ тогда удалось войти въ соглашеніе съ представителями американской коммиссіи вспомоществованія и обезпечить, во-первыхъ, непосредственную выдачу муки для населенія занятыхъ мѣстностей, помимо эстонскихъ властей, и, во-вторыхъ, отпускъ муки, соленой свинины и жировъ для продовольствія войскъ. Въ отношеніи же раскрытыхъ передъ нами денежныхъ затрудненій, у насъ была надежда, что затруденія будутъ въ самомъ скоромъ времени устранены, такъ какъ только что полученная телеграмма изъ Лондона сообщала, что переговоры о займѣ въ Лондонѣ милліона фунтовъ стерлинговъ въ финскихъ маркахъ, т. е. по курсу около 55 мил. ф. марокъ, успѣшно закончились.

Эта надежда, однако, лишь напрасно заставила насъ потратить въ ожиданіи двѣ недѣли времени и не оправдалась. Но нужды на фронтѣ и въ тылу никакого отлагательства не допускали. И насколько тамъ положеніе было критическое, доказываетъ то, что изъ сѣвернаго корпуса поступило къ ген. Юденичу представленіе о разрѣшеніи печатать фальшивыя керенки. Представленіе это было, конечно, отклонено. Вмѣсто того, было дано разрѣшеніе приступить къ выпуску размѣнныхъ знаковъ, но сначала лишь на небольшую сумму въ три милліона рублей. Ибо ген. Гофъ былъ неодно-

кратно освѣдомляемъ о критическомъ денежномъ положеніи, и мы имѣли его отвѣты, изъ которыхъ явствовало, что онъ возбуждаетъ ходатайство передъ своимъ правительствомъ, съ благопріятнымъ заключеніемъ, объ ассигнованіи генералу Юденичу денежной субсидіи въ суммѣ до восьми милліоновъ фунтовъ въ мѣсяцъ.

Полное отсутствіе денегъ вынудило въ это время сѣверный корпусъ прибѣгнуть къ продажѣ населенію американской муки не по себѣстоимости, а съ значительной надбавкой. Крайняя нежелательность этой мѣры была слишкомъ очевидна, но запретить ее было невозможно. Ибо въ отвѣтъ получалось требованіе денегъ, а денегъ не было. 1-го іюля Политическое Совѣщаніе вмѣстѣ съ ген. Юденичемъ выѣзжало на французскомъ миноносцѣ въ Ревель. Тамъ была намъ доложена смѣта на содержаніе сѣвернаго корпуса и гражданскаго управленія, сведенная въ суммѣ пятидесяти милліоновъ рублей въ мѣсяцъ. Мы ничего не могли сдѣлать другого, какъ принять смѣту къ свѣдѣнію, молча одобрить продажу американской муки по повышенной цѣнѣ и дать разрѣшеніе на печатаніе размѣнныхъ знаковъ уже не на три, а на тридцать милліоновъ. 4-го іюля Политическое Совѣщаніе постановило приступить къ печатанію въ Стокгольмѣ кредитныхъ билетовъ полевого казначейство, съ гарантіей оплаты по взятіи Петрограда, на одинъ миліардъ двѣсти милліоновъ рублей.

Конечно, лишь спустя нѣкоторое время возможно будетъ съ исчерпывающей полнотой выяснить и опредѣлить всѣ тѣ сложныя причины, которыя обусловили разстройство тыла Сѣверо-Западной арміи. Но и теперь едва ли будетъ ошибочно сказать, что продажа американской муки по повышенной цѣнѣ имѣла роковое значеніе. Въ войнѣ съ большевиками продовольственные припасы, пожалуй, въ еще большей степени обезпечиваютъ успѣхъ, нежели пушки и ружья. При движеніи сѣвернаго корпуса впередъ, населеніе занимаемыхъ мѣстностей встрѣчало бѣлыя войска, какъ освободителей отъ террора и отъ голода. Продовольствія же военное командованіе сначала, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, въ своемъ распоряженіи не имѣло, а затѣмъ, когда его получило, стало продавать по цѣнѣ, въ шесть разъ большей противъ цѣны, по которой отпускало ту же самую американскую муку по карточкамъ эстонское правительство, и почти въ три раза дороже рыночной вольной цѣны. И ненужно, само собою разумѣется, доказы-

вать, что большевистская пропаганда этимъ пользовалась. Расположенiе населенiя къ бѣлымъ не повышалось, а падало. Оно падало еще больше отъ общенiя съ неполучавшими жалованья солдатами. Создавалась атмосфера недовольства, т. е. то, что является въ гражданской войнѣ самымъ губительнымъ во всѣхъ смыслахъ и во всѣхъ отношенiяхъ.

Печатанiе размѣнныхъ знаковъ сѣвернаго корпуса шло медленно. Первая партiя ихъ должна была поступить въ обращенiе около 15 августа. И съ этого лишь времени могла быть начата планомѣрная организацiонная работа по упорядоченiю гражданскаго тыла. Выполненiе ея уже пало на иную систему, — на систему раздѣльной работы нѣсколькихъ лицъ, »министровъ«, имѣющихъ объединенiе въ коллегiи.

Въ теченiе всего времени существованiя Политическаго Совѣщанiя при генералѣ Юденичѣ не было буквально ни одного дня, когда не испытывался бы самый крайнiй денежный кризисъ. Россiйскiй посланникъ въ Стокгольмѣ К. Н. Гулькевичъ прилагалъ невѣроятныя усилiя и былъ единственнымъ источникомъ, отъ котораго поступали деньги. Но поступали всего сотни тысячъ и миллiоны, а абсолютно неотложные расходы требовали, если смотрѣть на два-три мѣсяца впередъ, сотни миллiоновъ. Ген. Юденичъ впервые уже въ сентябрѣ получилъ сообщенiе изъ Омска, въ телеграммѣ отъ 28 августа, что »министру финансовъ указано срочно перевести 260 мил. рублей« и что въ распоряженiи омскаго правительства въ »настоящее время« имѣется валюта.

V.

Мы не вошли въ правительство и въ виду того его состава, который былъ предложенъ генераломъ Маршемъ. Ибо участiе въ правительствѣ налагаетъ на каждаго члена правительства отвѣтственность не только за личныя его дѣйствiя, но въ одинаковой мѣрѣ и за дѣйствiя правительства въ цѣломъ. А потому естественно, что при рѣшенiи вопроса, вступать или не вступать въ правительственную коллегiю, политическимъ дѣятелямъ отнюдь не безразлично, съ кѣмъ придется работать и раздѣлять отвѣтственность.

10 августа, послѣ продолжавшагося 40 минутъ совѣщанiя, приглашенными ген. Маршемъ лицами было заявлено, что мы просимъ сохранить за нами право смо-

трѣть на предложенный списокъ министровъ, какъ на списокъ предположительный. И ген. Маршъ на это не возражалъ. Онъ лишь сказалъ, что указаныхъ въ спискѣ лицъ союзники »желали бы« видѣть въ составѣ правительства. Въ дѣйствительности же оказалось, что включеніе въ составъ правительства поименованныхъ въ спискѣ лицъ было не пожеланіемъ, а ультимативнымъ требованіемъ, — что ультимативность относилась не только къ образованію правительства, но въ одинаковой степени и къ составу министровъ. По крайней мѣрѣ, когда ген. Юденичъ, 12 августа, обратился къ ген. Маршу съ требованіемъ устранить изъ списка двухъ лицъ, участіе которыхъ въ составѣ правительства онъ считалъ особенно недопустимымъ, то ему было въ этомъ категорически отказано. Между тѣмъ, это было не голословное требованіе, а основанное, какъ и намъ казалось, на весьма вѣскихъ мотивахъ. И насколько мотивы были основательны, обстоятельства не замедлили подтвердить. Всего спустя три недѣли, сѣверо-западное правительство оказалось вынужденнымъ одно изъ этихъ двухъ лицъ отъ обязанностей министра отстранить.

Въ тотъ же день, 12 августа, имѣлъ мѣсто еще одинъ характерный для условій образованія правительства эпизодъ. Едва ген. Юденичъ вернулся отъ ген. Марша, ему была прислана записка, въ которой болѣе, чѣмъ автократично, предлагалось ген. Маршемъ, во-первыхъ, включить въ составъ правительства еще одно новое лицо и, во-вторыхъ, обязательно дать министерскій портфель или этому новому лицу, или одному изъ тѣхъ двухъ лицъ по списку, въ отношеніи которыхъ только что передъ тѣмъ ген. Юденичемъ былъ заявленъ отклоненный ген. Маршемъ протестъ. И выдвинутую ген. Маршемъ новую, крайне нежелательную, кандидатуру, С. Г. Ліанозову удалось отстранить слѣдующимъ способомъ. С. Г. Ліанозовъ пригласилъ это лицо къ себѣ и, объявивъ, что составъ правительства уже заполненъ, почему кандидатура даннаго лица создаетъ затрудненія, сказалъ, что обѣщаетъ дать ему другую должность, по которой будетъ назначенъ соотвѣтственный окладъ содержанія. На это приглашенный отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ онъ на своей кандидатурѣ въ министры настаивать не будетъ.

Приведенный эпизодъ служитъ яркой иллюстраціей случайности списка ген. Марша. Ген. Маршъ, какъ видно изъ одного послѣдующаго документа, — изъ »Воз-

званія къ гражданамъ Пскова» за подписью Великобританскаго уполномоченнаго г. Пири-Гордона (прилож. № 6); — озабоченъ былъ тѣмъ, чтобы дать правительству обликъ демократичности и партійнымъ его составомъ и, конечно, не имѣлъ ни времени, ни возможности, составить списокъ на основаніи оцѣнки личныхъ свойствъ и качествъ кандидатовъ въ министры. Но если представители союзныхъ миссій и могли считать такой упрощенный пріемъ образованія правительства достаточнымъ, подъ ихъ угломъ зрѣнія, для Сѣверо-Западной Области Россіи, какъ для части страны съ примитивнымъ укладомъ политической жизни, то мы, русскіе политическіе дѣятели, уже по одному этому не имѣли права, вступивъ въ составъ правительства, тѣмъ показать, что раздѣляемъ ихъ сужденія о нашей родинѣ.

Какъ ни отстала Россія отъ странъ Запада, что лишній разъ подтвердила стихійность разлитія по русской землѣ большевизма, но все же она имѣетъ далеко не примитивный бытовой и политическій укладъ, къ которому можно подходить съ элементарной простотой, — съ извнѣ даваемыми приказаніями, не основанными на тщательномъ изученіи обстановки и обстоятельствъ, и съ отдѣленіемъ однихъ людей отъ другихъ только по групповымъ признакамъ, безъ заботы объ индивидуальныхъ свойствахъ и объ индивидуальномъ соотвѣтствіи данныхъ лицъ возлагаемой на нихъ работѣ.

Въ томъ же »Воззваніи къ гражданамъ Пскова» процессъ образованія правительства обрисованъ такъ, что какъ будто, для достиженія указанныхъ въ »Воззваніи» цѣлей, »государственные люди Сѣверо-Западной Россіи» объединились по собственной иниціативѣ. Далѣе подчеркивается, что правительство составлено изъ представителей »всѣхъ» партій, что оно пользуется »совѣтами и матеріальной помощью союзниковъ Россіи» и авторитетно объявляется, что »это вновь образованное правительство обезпечило себѣ чистосердечное сотрудничество и довѣріе всѣхъ выдающихся русскихъ Сѣверо-Западной Россіи». Послѣднее утвержденіе обосновано въ »Воззваніи» на томъ, что самъ ген. Юденичъ не только призналъ правительство С. Г. Ліанозова, но »предоставилъ себя въ полное его распоряженіе и принялъ участіе въ его трудахъ и отвѣтственности.»

Если даже забыть условія, при которыхъ ген. Юденичъ »предоставилъ себя въ распоряженіе правительства», а равно оговорку о томъ, что правительство образовано

»помимо воли« лицъ, наименовавшихъ себя министрами — оговорку, включенную въ текстъ »Заявленія«, составленнаго самимъ ген. Маршемъ, — то и въ такомъ случаѣ искусственность »Воззванія« г. Пири-Гордона будетъ фактически несомнѣнна.

Полагаемъ, что представляется слишкомъ смѣлымъ объявлять, за подписью Уполномоченнаго Великобританской Дипломатической Коммиссіи въ Прибалтійскомъ краѣ, какъ актъ, явившійся результатомъ объединенія »государственныхъ людей Сѣверо-Западной Россіи«, образованіе правительства шестью русскими эмигрантами, пологовно включившими себя въ составъ правительства и изъ которыхъ никто не имѣлъ въ прошломъ ценза государственнаго избранія или активнаго участія въ государственной дѣятельности, а въ отношеніи одного даже подвергается сомнѣнію его русское подданство. Полагаемъ, что не менѣе рискованно присвоивать »вновь образованному правительству« »чистосердечное сотрудничество и довѣріе всѣхъ выдающихся русскихъ Сѣверо-Западной Россіи«, даже если считать, что ген. Юденичъ безъ принужденія создавшимся положеніемъ »принялъ участіе въ его трудахъ и отвѣтственности«, — но разъ по принятому союзными миссіями и правительствомъ С. Г. Ліанозова дѣленію Россіи ни области, Сѣверо-Западную область составляютъ Петроградъ и три губерніи, Петроградская, Псковская и Новгородская, подавляющее большинство населенія которыхъ, а, слѣдовательно, и мѣстныхъ »выдающихся русскихъ«, еще только ждетъ освобожденія отъ большевиковъ и о томъ, что въ Ревелѣ по ультимативному требованію ген. Марша образовано правительство, не знало и знать не могло.

Такія ноты и такой беззапелляціонно диктующій тонъ, быть можетъ, свойственъ людямъ высшей культуры въ ихъ обращеніяхъ къ населенію странъ, находящихся въ младенческомъ періодѣ быта и политической жизни. Но и въ состояніи большевистскаго развала наше отечество заслуживаетъ другого отношенія. У насъ, какъ и вездѣ въ цивилизованномъ мірѣ, существуютъ политическія партіи. Едва ли, однако, въ Англіи, во Франціи и въ Соединенныхъ Штатахъ было бы признано достаточнымъ для образованія правительства отобрать по одному или по два члена каждой партіи, — въ томъ числѣ и партій не существующихъ, — безъ вѣдома партійныхъ организацій, — отобрать наспѣхъ, въ порядкѣ приказа.

И едва ли строгіе къ пониманію своихъ обязанностей члены партій дали бы свое согласіе войти въ составъ такъ образованнаго правительства. Самыя исключительныя обстоятельства должны, всетаки, по нашему мнѣнію, сохранять въ сознаніи границу между допустимымъ и недопустимымъ. Далеко не всѣ жертвы и объективно цѣлесообразны. Опытъ жизни учитъ, что есть жертвы, съ которыми нельзя связывать надеждъ на пользу.

Всѣ производные эпитеты отъ слова »демократія« стали и у насъ, и на Западѣ, настолько ходячими, что утратили опредѣленное содержаніе. А потому сказать, что ген. Маршъ ставилъ цѣлью образованія правительства въ Ревелѣ созданіе русской демократической власти и что предложеннымъ имъ составомъ министровъ эта цѣль достигнута, — значитъ, въ сущности, не сказать ничего. Но если внимательно вчитаться въ текстъ соглашенія, который былъ 10 августа генераломъ Маршемъ врученъ приглашеннымъ имъ русскимъ, то сдѣлается яснымъ, что союзныя миссіи подъ демократичностью образуемаго ими правительства разумѣли нѣчто съ весьма тѣснымъ и еще болѣе условнымъ содержаніемъ.

Въ этомъ текстѣ значится: »и установить въ Петроградѣ демократическое правительство, которое будетъ уважать человѣческія права, какъ-то: жизнь, личную свободу и собственность имущества«. Едва ли, позволяемъ себѣ думать, возможно мыслить какое бы то ни было правительство, кромѣ совѣтской разбойничьей власти, которое возводило бы въ догматъ неуваженіе къ человѣческой жизни и къ личной свободѣ. Но и наоборотъ, едва ли возможно мыслить самое правовѣрное демократическое правительство, которое въ эпоху гражданской войны, имѣя своей задачей побѣду надъ большевизмомъ, было бы въ состояніи абсолютно уважать право жизни и право личной свободы. Что же касается третьяго лозунга, — уваженія »собственности имущества«, что, по пониманію союзныхъ миссій, тоже относится къ »человѣческимъ правамъ«, — то этотъ лозунгъ, казалось бы, скорѣе можетъ быть непріемлемъ для демократическаго правительства, нежели для правительства, отрицающаго демократичность и идеалы соціализма. Въ русскихъ дореволюціонныхъ основныхъ законахъ про право собственности на имущество говорилось, что оно »священно и неприкосновенно«. И ген. Маршъ, слѣдовательно, также точно, какъ русскіе

дореволюціонные законы, этимъ лозунгомъ отсѣкалъ отъ участія въ правительствѣ соціалистическіе элементы и представителей соціалистическихъ партій.

Приглашенные имъ въ составъ Сѣверо-Западнаго правительства соціалисты въ этомъ лозунгѣ, однако, не усмотрѣли для себя препятствія быть министрами. И въ нашихъ глазахъ такая ихъ готовность отречься отъ основного принципа соціализма, безъ отреченія отъ принадлежности къ соціалистическимъ партіямъ, естественно служила тѣмъ большимъ основаніемъ для отказа раздѣлить съ ними политическую отвѣтственность.

Не позволяя себѣ входить въ индивидуальную характеристику министровъ, предложенныхъ ген. Маршемъ и вошедшихъ въ составъ правительства, мы отмѣтимъ только одно имя, которое въ »Воззваніи« г. Пири-Гордона поднято на совершенно исключительную высоту. Г. Пири-Гордонъ просилъ гражданъ Пскова дать согласіе на вступленіе въ правительство городскому головѣ г. Эйшинскому »во имя свободной Россіи, ея союзниковъ и всей цивилизаціи«. Намъ, русскимъ, соотечественникамъ г. Эйшинскаго, было тяжело читать эту аргументацію. Ибо она заключаетъ въ себѣ ту степень преувеличенія, которая граничитъ съ намѣреннымъ униженіемъ тѣхъ, кому »Воззваніе« было адресовано.

* * *

Въ политикѣ все сводится къ предвидѣнію, — къ вѣрной оцѣнкѣ фактовъ и къ правильному построенію выводовъ. Наше предвидѣніе намъ подсказало, что вступать въ Сѣверо-Западное правительство мы не должны. И мы отказались. Мы съ болью въ сердцѣ уѣхали 14 августа изъ Ревеля, но наша совѣсть была спокойна.

Мы два съ половиной мѣсяца несли работу, которая выпала на нашу долю. Были дни подъема и близкихъ, казалось, надеждъ. Но было гораздо больше дней тревоги и мучительно тяжелыхъ переживаній. Мы не отдавались иллюзіямъ. Мы понимали всю сложную тяжесть положенія, какая опредѣлилась къ началу августа. Мы отдавали себѣ отчетъ о причинахъ, создавшихъ катастрофичность, — и уже приняли рѣшеніе встать на новый путь борьбы съ ними. Мы отошли отъ работы съ горячимъ желаніемъ успѣха тѣмъ, кто

взяли ее на свой плечи. Мы желали успѣха, но вѣры въ успѣхъ не имѣли.

Гдѣ предвидѣніе, — тамъ не устранимы ошибки. Прошелъ мѣсяцъ. Съ горькимъ чувствомъ мы встрѣчаемъ подтвержденія нашихъ опасеній.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ.

А. В. Карташевъ.

М. Н. Суворовъ.

22 сентября 1919 года.

Приложеніе № 1.

Текстъ договора, предложеннаго генераломъ Маршемъ 10-го августа 1919 года въ Ревелѣ, для немедленнаго подписанія отъ лица Россіи и Эстоніи.

1. Правительство Русской Сѣверо-Западной Области, включая прежнихъ губерній: Петроградской, Псковской и Новгородской, признало абсолютную независимость Эстоніи.

2. Эстонское Правительство обѣщаетъ оказать немедленную поддержку Русской Сѣверо-Западной Области вооруженною силою, чтобы освободить Петроградскую, Псковскую и Новгородскую губерніи отъ большевистскаго ига, и установить въ Петроградѣ демократическое правительство, которое будетъ уважать человѣческія права, какъ-то: жизнь, личную свободу и собственность имущества.

3. Военное командованіе союзными силами объединено въ рукахъ генерала Юденича и генерала Лайдонера, черезъ коихъ Союзная Военная Миссія снабжала и продолжаетъ снабжать боевыми припасами, необходимыми для вышеупомянутыхъ цѣлей.

Приложенiе № 2.

Переводъ съ англiйскаго.

Составъ правительства Русской Сѣверо-Западной Области, предложенный генераломъ Маршемъ 10 августа 1919 года въ Ревелѣ приглашеннымъ имъ русскимъ гражданамъ.

1.	Премьеръ-министръ и министръ финансовъ......	Лiанозовъ.
2.	Военный министръ......	Суворовъ.
3.	Министръ иностранныхъ дѣлъ..................	Крузенштернъ.
4.	Министръ культа......	Карташевъ.
5.	Министръ внутреннихъ дѣлъ..................	Александровъ.
6.	Министръ торговли, народнаго здравiя и снабженiя....................	Маргулiесъ.
7.	Министръ юстицiи......	Сенаторъ Ивановъ.
8.	Морской министръ......	Пилкинъ.
9.	Министръ продовольствiя....................	Эйшинскiй.
10.	Государственный контроль..................	Горнъ.
11.	Министръ просвѣщенiя..	Эрнъ.
12.	Министръ земледѣлiя....	Богдановъ.
13.	Министръ почтъ и телеграфа..................	Филиппео.
14.	Министръ переустройства фабрикъ............	Бутлеровъ.
15.	Министръ народнаго благосостоянiя........	Кондыревъ.
16.	Министръ безъ портфеля.	Ивановъ.

Приложеніе № 3.

Текстъ »Заявленія», предложенный генераломъ Маршемъ, для немедленной подписи, 11 августа въ Ревелѣ.

Заявленіе

Эстонскому Правительству и Представителямъ Соединенныхъ Штатовъ Франціи и Велико-Британіи въ Ревелѣ.

Ввиду настоятельно необходимости образовать демократическое Правительство для Сѣверо-Западной Области Россіи, единственно съ которымъ Эстонское Правительство согласно вести переговоры съ цѣлью способствовать русской дѣйствующей арміи освободить Петроградскую, Псковскую, Новгородскую губерніи отъ большевистской тираніи учредить въ Петроградѣ и временно во Псковѣ, Учредительное Собраніе, которое либо подтвердитъ, либо измѣнитъ, какъ можно выразиться на юридическомъ языкѣ, наши соотвѣтствующія назначенія, какъ министры, каковыя мы принуждены (въ подлинникѣ напечатано: »принужденмъ») обстоятельствами, независящими отъ нашей воли принять на себя, мы, нижеподписавшіеся, симъ заявляемъ, что Правительство Сѣверо-Западной Россіи сформировано, какъ указано ниже.- Какъ первый актъ въ интересахъ нашей страны, мы симъ признаемъ абсолютную независимость Эстоніи и просимъ Представителей Соединенныхъ Штатовъ Америки, Франціи и Велико-Британіи добиться отъ своихъ Правительствъ признанія абсолютной независимости Эстоніи. Какъ нашъ второй актъ, мы признаемъ Генерала Юденича Главнокомандующимъ Сѣверо-Западной русской арміи и просимъ его начать немедленно переговоры съ Главнокомандующимъ Эстонской Арміей относительно военныхъ деталей, обезпечивающихъ дѣйствительную помощь эстонскихъ войскъ.

Премьеръ министръ
Министръ финансовъ
Военный министръ
Министръ Иностранныхъ дѣлъ
Министръ Культа
Министръ Внутреннихъ дѣлъ
Министръ Торговли, Народнаго здравія и Снабженія
Министръ Юстиціи
Морской Министръ
Министръ Продовольствія
Государственный контроль
Министръ Просвѣщенія
Министръ Земледѣлія
Министръ Почтъ и Телеграфа
Министръ переустройства фабрикъ
Министръ народнаго благосостоянія
Министръ безъ портфеля

.... августа 1919 г.

Ревель.

Вполнѣ согласно съ вышеизложеннымъ

............................августа 1919 г.

Ревель.

Генералъ

Главнокомандующій Сѣверо-Западной русской Арміей.

Послѣ переговоровъ ген. Марша съ С. Г. Ліанозовымъ, въ текстъ были внесены слѣдующія измѣненія: въ заголовкѣ передъ словомъ »Заявленіе« было поставлено слово »Предварительное« и въ концѣ заголовка: »съ обязанностью представить завтра окончательный текстъ«, были зачеркнуты слова »и временно во Псковѣ« и зачеркнуты обозначенія портфелей подписавшихъ »Заявленіе« министровъ.

Приложеніе № 4.

Составъ Сѣверо-Западнаго правительства къ 24-му августа 1919 года, согласно подписямъ подъ опубликованной декларацiей.

1. Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Министръ Иностранныхъ дѣлъ и финансовъ	С. Г. Ліанозовъ.
2. Министръ Внутреннихъ дѣлъ	К. А. Александровъ.
3. Министръ Военный	ген. Н. Н. Юденичъ.
4. Министръ Торговли и Промышленности, Снабженія и Народнаго Здравія	М. С. Маргуліесъ.
5. Министръ Юстиціи	Е. И. Кедринъ.
6. Министръ Продовольствія	Ф. Г. Эйшинскій.
7. Министръ Морской	В К. Пилкинъ
8. Министръ Народнаго Просвѣщенія	Ф. А. Эрнъ.
9. Министръ Общественнаго Призрѣнія	А. С. Пѣшковъ.
10. Государственный Контролеръ	В. Л. Горнъ.
11. Министръ Земледѣлія	П. А. Богдановъ.
12. Министръ Исповѣданій	И Ф. Евсѣевъ.
13. Министръ Почтъ и Телеграфа	М. М. Филиппео.
14. Министръ Общественныхъ работъ	Н. Н. Ивановъ.

Приложеніе № 5.

Текстъ деклараціи, составленной Политическимъ Совѣщаніемъ и предложенной 3 августа 1919 года Главнокомандующему генералу Юденичу для утвержденія.

КЪ НАСЕЛЕНІЮ РУССКОЙ ТЕРРИТОРІИ СѢВЕРО-ЗАПАДНАГО ФРОНТА.

Объявляю русскимъ гражданамъ, населяющимъ русскую территорію сѣверо-западнаго фронта:

Какъ Главнокомандующій всѣми русскими вооруженными сухопутными и морскими силами сѣверо-западнаго фронта, я являюсь органомъ государственной власти, подчиненнымъ Всероссійскому Правительству и получившимъ отъ него свои полномочія. Этимъ опредѣляется моя государственная и политическая программа, которой руководствуется и состоящее при мнѣ Политическое Совѣщаніе. А посему въ основу своей военной и государственной работы я полагаю тѣ же обновляющія начала политической свободы и демократіи, о которыхъ неоднократно и торжественно заявлялъ Верховный Правитель.

Начала сіи таковы:

1. Рѣшительный отказъ отъ возврата къ старому режиму.

2. Возсоздаваемая всероссійская власть должна быть укрѣплена на основѣ народовластія. Для сего немедленно по очищеніи Родины отъ большевиковъ и по водвореніи законнаго порядка, должно быть созвано Всероссійское Учредительное Собраніе на началахъ всеобщаго избирательнаго права, дабы народъ могъ безпрепятственно выявить свою волю и установить ту

форму правленія, которая дѣйствительно осуществитъ великія идеи свободы, нынѣ провозглашенныя по всему міру.

3. Единство Великой Россіи должно сочетаться съ утвержденіемъ за всѣми народностями, обитающими на ея исторической территоріи права развивать свою національно-культурную жизнь. Въ борьбѣ съ разложившимъ Отечество большевизмомъ всѣ народы Россіи обрѣтутъ право на устроеніе ихъ государственнаго бытія, въ формахъ самостоятельности, соотвѣтственно ихъ усиліямъ и участію въ общемъ дѣлѣ побѣды надъ разложеніемъ.

4. Административное управленіе государства должно быть усовершенствовано путемъ установленія ближайшей и органической его связи съ мѣстнымъ земскимъ и городскимъ самоуправленіемъ.

5. Всѣ граждане государства Россійскаго, безъ различія національностей, вѣроисповѣданій и классовъ, равны въ правахъ и обязанностяхъ передъ закономъ.

6. Всѣмъ обезпечивается по возстановленіи государственно-правовой жизни неприкосновенность личности и жилища и гражданская свобода: религіозной совѣсти, слова устнаго и печатнаго, союзовъ, собраній и стачекъ.

7. Земельный вопросъ рѣшается согласно съ волей народа. Земля будетъ передана трудящемуся земледѣльческому населенію для закрѣпленія въ собственность.

8. Интересы рабочаго класса найдутъ полное и всестороннее обезпеченіе въ особыхъ законахъ.

Граждане, призываю васъ сплотиться вокругъ знамени возсоздаваемой на новыхъ началахъ Великой Россіи. Приложите всѣ силы къ низверженію противной волѣ русскаго народа варварской тираніи большевиковъ, чтобы положить конецъ начатой большевиками братоубійственной войнѣ.

Приложенiе № 6.

ВОЗЗВАНIЕ КЪ ГРАЖДАНАМЪ ПСКОВА.

Граждане Пскова!

Трудности нынѣшняго положенiя столь увеличились, что было рѣшено обратиться къ демократическимъ чувствамъ Русскаго народа и выяснить, какъ русскому народу, такъ и союзнымъ демократiямъ Англiи Францiи и Соединенныхъ Штатовъ столь важный фактъ, что русскiя силы, борющiяся нынѣ противъ большевикомъ, дѣйствительно воодушевлены искренней любовью къ свободѣ русскаго народа и стремятся возстановить права демократическаго самоуправленiя для тѣхъ русскихъ, которые находятся сейчасъ въ рабствѣ у ненавистныхъ большевиковъ этихъ тирановъ, болѣе деспотичныхъ и болѣе самодержавно-жестокихъ, чѣмъ любой изъ царей.

Для этихъ цѣлей, руководящие государственные люди Сѣверо-Западной Россiи объединились чтобы создать свободное и демократическое правительство для губернiй Псковской, Петроградской и Новгородской.

Это правительство составлено изъ представителей всѣхъ партiй, такъ какъ существенно необходимо, чтобы, пока существуетъ большевистская тиранiя, не было бы междуусобныхъ тренiй между свободными русскими.

Это правительство пользуется совѣтами и матерiальной помощью союзниковъ Россiи, которые нынѣ выгрузили запасы продовольствiя, оружiя, одежды и снаряженiя, чтобы дать возможность вновь образованному правительству освободить какъ можно болѣе русскихъ изъ подъ тиранiи большевиковъ.

Это вновь образованное правительство не только пользуется совѣтами и помощью союзниковъ, но оно обезпечило себѣ чистосердечное сотрудничество и довѣрiе всѣхъ выдающихся русскихъ Сѣверо-Западной Россiи настолько, что самъ генералъ Юденичъ не только призналъ правительство г-на Лiанозова, но предоставилъ себя въ полное его распоряженiе и принялъ участiе въ его трудахъ и отвѣтственности.

Граждане Пскова! Я описалъ вамъ, такимъ образомъ, правительство, которое нынѣ образовано для Сѣверо-Западной Россіи, съ одобренія представителей союзниковъ, и я имѣю удовольствіе сообщить вамъ, что вашъ согражданинъ и городской голова г. Эйшинскій избранъ въ число лицъ, призванныхъ руководить судьбами Россіи, дабы возстановить и навѣки обезпечить демократическія гарантіи для всѣхъ свободныхъ русскихъ.

Говоря съ вами, какъ другъ свободной Россіи и какъ представитель союзной демократіи Великобританіи, я обращаюсь къ вамъ, дабы вы мужественно согласились предоставить въ распоряженіе вашей, находящейся въ бѣдствіяхъ, страны работу вашего городского головы, дабы онъ могъ нести тяжелую долю участія въ работахъ новаго правительства, которому, съ Божьей помощью, предназначено стать орудіемъ освобожденія вашего народа отъ тирановъ.

Когда я читаю описаніе того что псковичи сдѣлали въ защиту свободы въ старые дни, я исполняюсь надеждой, что они снова объединятся и гордо пошлютъ своего городского голову занести новыя страницы въ исторію города и снова включить имя Пскова въ число тѣхъ городовъ, которые заслужили благодарность Россіи своей мужественной защитой демократическихъ свободъ народа.

А потому я призываю васъ, граждане Пскова, не только дать то разрѣшеніе, которое я прошу отъ васъ во имя свободной Россіи и ея союзниковъ и во имя самой цивилизаціи, но дать его быстро, дабы вашъ городской голова могъ занять мѣсто среди другихъ министровъ, когда они пріѣдутъ на демократическій конгрессъ представителей народа, который созванъ въ Юрьевѣ.

Граждане Пскова! Прежде, чѣмъ проститься съ вами, я молюсь всемогущему Богу, даровавшему западнымъ демократіямъ побѣду надъ германцами, дабы онъ вдохновилъ ваши души, преуспѣялъ ваше оружіе и даровалъ русской демократіи побѣду надъ ея врагами и освобожденіе отъ ея угнетателей.

Г. Пири-Гордонъ,
Уполномоченный.
Великобританская Дипломатическая
Коммиссія въ Прибалтійскомъ краѣ.

Воззваніе было напечатано въ газетѣ «Заря Россіи», во Псковѣ, 21 августа 1919 года № 19.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

DK265.9
.P74
K89
1919

Цѣна 4 ф. м.